

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

ОСТРОВ НЕЯСНЫХ СМЕРТЕЙ

(Журнальный вариант)

*И смерть — предел всего,
и мы идём пустыней,
живя тревогою земной.*

Альфред Теннисон

*Мы... одинокими птицами... собравшимися один-единственный раз,
дабы проникнуться назидательным зрелищем ничтожества жизни,
медлительности дня и бесконечной длительности времени,
мы, дорогие *Ευπαρανεχρονот*¹, не верящие ни игре радости,
ни счастьем глупцов, мы, кто ни во что не верит, кроме несчастья...*

Серен Кьеркегор, «Несчастнейший»

От автора

В моём рассказе не будет захватывающих погонь на арабских скакунах, гонок на супермашинах с пронзительным визгом автомобильных шин. Какие погони на одинокой скале? Не будет уличных драк и спортивных боёв. Не будет рассказов и показов красивых схваток, как в американских фильмах... Таких, когда на крышах небоскребов герои на потеху публики долго дерутся руками, ногами или на мечях. И не будет сцен о том, как «хорошие парни» красиво умирают, а их друзья, роняя дорогие мужские слёзы в стиле «а la молодой Рональд Рейган», клянутся отомстить врагам. Не будет оглушительной пальбы и прочих атрибутов повестей и фильмов в жанре «экшен» и «шпионский детектив». Так, пара негромких выстрелов да один взрыв. Не будет никакой мистики — ибо смерть всегда материальна... Будет рассказ о том, что в жизни часто существует бездонная пропасть между тем, что «кажется», и тем, что «есть на самом деле»...

Глава 1. «РАЙ НА РЕКЕ КВАЙ»

Женщина опасна для каждого рая.

Поль Клодель

Человек я «почти здоровый» и одинокий, на пенсию вышел рано, потому что имею «северный» стаж. Пенсия у меня не большая, но и не маленькая, по российским меркам, кое-какие сбережения есть, так что я не бедствую, да и дети иногда помогают. Дочь туристическую путёвку подарила — сначала поездка в Таиланд, а потом морское путешествие на удаленный остров...

В общем, можно сказать, что живу в своё удовольствие, иногда путешествуя за рубежами России. А ещё — после выхода на пенсию — поучиться решил на старости лет и поступил в аспирантуру по философии. Понятно, что учение философское уже не создам, школу научную не организую, но серьёзное обучение как средство от старческого маразма вполне приемлемо. Все же лучше, чем кроссворды разгадывать или в домино с другими старичками играть.

¹ *Ευπαρανεχρονот* — «умирающие вместе» (дополнение публикатора).

Путешествие моё началось в Бангкоке, самое сильное впечатление произвела статуя лежащего Будды в храме Ват Пхо. Длина Будды 46 метров, а высота — 15! Вся покрыта сверху настоящим золотом, а глаза и ступни покрыты перламутром. Зрелище! Иногда я серьёзно подумываю, что в недавнем прошлом на Земле процветала иная цивилизация, а мы лишь являемся её случайными и нерадивыми наследниками. Но даже там, глядя на огромную статую Будды, я так и не понял глубинного смысла его фразы: «Желания есть источник боли».

Потом была поездка на реку Квай. На этой речке я и познакомился с супружеской парой — Аллой Петровной и Николаем Владимировичем Сидоровыми, а также с Александром Александровичем Петровым. В ресторане на реке Квай мы сидели за одним столиком. А уж затем вместе попали на одинокий остров в тропическом море. Туда нас на туристической яхте забросили на неделю. Но так уж получилось, что не все живыми в Россию вернулись с того острова. Но я забегая вперёд.

Сначала про «Рай на реке Квай» — этот хваленный рекламой отель: несколько деревянных домиков на воде и на берегу и ресторан — на понтонах, покрытых досками. Ресторан небольшой — пара десятков столиков. Каждый столик на четверых рассчитан, но можно было и сдвигать их для больших компаний.

Вот там за ужином я и познакомился с Сидоровыми и Сан Санычем Петровым. Сидоровы тоже пенсионеры, но постарше меня на несколько лет. Алла Петровна — дама «с повышенной окружностью талии» и большим количеством косметики на лице. Зато Николай был худым, точнее сказать — тощим. Кстати, не раз видел такие супружеские пары... и у меня никогда не было сомнений, кто там «семейный вампир».

Позднее узнал, что в «лихие девяностые» Сидоровы на чём-то сделали «хорошие деньги», потом умело вложили их в коммерческую недвижимость, а сейчас живут на ренту и проценты по банковским вкладам. Не сказать, что очень богатые, но не бедные — это точно. Оказались они людьми «хорошо пьющими» во всех смыслах этого выражения и поэтому иногда слишком разговорчивыми. Я за ужином больше помалкивал, как и остальные мужчины, потому что перебить Аллу Петровну было очень трудно... Ибо она одна бутылку розового мартини за вечер «уговорила» и вещала без перерыва. Поэтому за время ужина я узнал о том, какие у нее снохи-стервы, как она в Париже на выставке кошек была, чем хороши препараты клонидиновой группы для снижения давления, а также о состоянии здоровья близких родственников Аллы Петровны и ее политических взглядах...

А вот Сан Саныч оказался мне персонажем более интересным. В 80-х годах прошлого века закончил, по его словам, МГИМО¹ и отправился на работу во Вьетнам, а потом в Лаос. Да так и застрял на Востоке... Сейчас владеет маленькой туристической фирмой в Бангкоке, организует индивидуальные и мини-групповые туры по Юго-Восточной Азии. Что-то у него сорвалось из ранее запланированного, вот он и взялся за краткий тур для Сидоровых — доход не ахти какой большой, но и лишними деньги не бывают. Хотя в свете последующих событий так и не развеялось у меня впечатление, что у Сан Саныча могли быть и другие мотивы... кроме заработка и отдыха за чужой счет. Может быть, за поездкой на остров еще что-то было? Не знаю — и честно об этом говорю. Как выяснилось в разговоре, Сан Саныч владел английским, немецким, китайский, вьетнамским, тайским языками и еще какими-то местными наречиями. Полиглот!

После ужина и дополнительного приёма горячительных напитков вспыхнул скандал между Сидоровыми. Воспользовавшись ссорой супругов, я попрощался и пошёл спать...

Встал на рассвете. Остальная туристическая публика ещё не поднялась. Я сидел на понтоне, смотрел на речной туман и слушал щебетание птиц. Тишина и покой... хоть медитацией занимайся.

— Рано вы что-то поднялись, — раздался рядом голос Сан Саныча. — Не возражаете, если я рядом присяду? Что-то я вчера даже не успел как следует с вами познакомиться... Одно понял, что вы тоже пенсионер, хотя и молодо выглядите. А кем работали на Севере? Нефтяник или газовик?

— Увы — «на трубе не сидел». Не все на Севере нефть и газ добывают. Последние годы — чиновник среднего регионального уровня, а до того чем только не занимался, включая микробизнес. Когда-то — после школы — на заводе слесарем работал и даже на помощника комбайнера учился, но ничего не пригодилось... Да не интересно это всё, лучше расскажите, чем сегодня туристы будут заниматься? Вы ведь здесь не первый раз...

— И не десятый, и даже не двадцатый. После завтрака поедем к горным целебным источникам, по дороге завернём в одну тайскую аптеку. Потом — оздоровительное

¹ МГИМО — Московский государственный институт международных отношений.

купание в радоновых бассейнах, затем — сплав на плотках или в спасательных жилетах до этого отеля. И отдых до вечера, а потом возвращаемся на побережье.

— Сплав в жилетах — это как?

— Надуваете жилет, прыгаете в воду, и течение реки несет вас к ресторану. Все абсолютно безопасно, но служба на всякий случай идет на двух плотках — впереди и позади группы сплавляющихся.

— Понятно, спасибо за разъяснение.

— Не за что. На морском побережье могу ночную рыбалку организовать.

— Благодарю. Я не рыбак и не охотник.

— А что так?

— «Когда срываешь былинку, вздрагивает вся Вселенная», — ответил я.

Сан Саныч с уважением посмотрел на меня. Намек он понял, но, видно, редко российские туристы цитируют «Упанишады»¹.

Добрые отношения с Сан Санычем в то же утро укрепились в тайской аптеке. У входа стоял большой круглый стеклянный аквариум с коричневой жидкостью, а на дне лежали какие-то ветки, корешки и даже маленькие деревянные брусочки. Сан Саныч объяснил, что это знаменитый настой из семидесяти семи лечебных трав на крепком алкоголе и что каждый может попробовать его бесплатно. Помощница аптекаря, милостивая таечка лет двадцати, поварёшкой наливала настойку каждому желающему. В одноразовый пластиковый стаканчик входило немного — грамм по тридцать или чуть больше. Одновременно Сан Саныч рекламировал чудодейственные свойства настойки, которой можно лечить чуть ли не сто болезней.

Потом, пока мужики рассматривали аптеку, а дамы выбирали бальзамы, масла и прочие лосьоны, обеспечивающие «вечную молодость» кожи лица, груди и внутренней поверхности бёдер, Сан Саныч подошёл ко мне.

— Может быть, ещё по стаканчику? У меня тут есть «халявные порции», но я злоупотреблять не могу — работа, а вы-то на отдыхе. Рекомендую купить несколько пакетов травяного сбора — дома на трёх или пяти литрах водки можно каждый пакет настоять и пару раз в день по 50 грамм употреблять. Мощное иммуностимулирующее средство.

— Не откажусь, вкус приятный, — приветливо ответил я. Действительно — таки на отдыхе я или как?

Сан Саныч, видимо на тайском языке, переговорил с помощницей аптекаря, и она принесла нам два стаканчика, ему — со стандартной порцией, а мне — в большом — грамм сто или около того. Я глянул на улыбающуюся помощницу и на Сан Саныча, посмотрел на свою дозу и уточнил:

— Может, заплатить надо? А то разорю аптеку с такой дегустацией.

— Угощаю, — засмеялся Сан Саныч, — у меня этих доз тут столько за сезон накопилось, что всю группу могу снабдить, да бизнес аптечный не хочу портить. Хозяин — мой давний знакомец, иногда делает мне настойку на очень редких лечебных травах. Женьшень¹ по сравнению с ними — как баночное пиво против коллекционного коньяка. Ну, давайте выпьем да и на ты перейдем...

Вы, конечно, можете спросить, к чему все эти подробности и имеют ли они отношение к гибели наших туристов на том проклятом острове? Не могу однозначно сказать, что имело или не имело отношения к убийствам и смертям, но, размышляя над поведением Сан Саныча на острове, я вспоминал всё: и наши разговоры на реке Квай, и употребление настойки в горной аптеке, беседы на самые разные темы в туристическом автобусе. Может быть, зря я ему тогда свой псевдоним сказал? Уточняю, что псевдоним не агентурный, а литературный. Нет у меня агентурных псевдонимов...

Кто знает, как могла бы сложиться ситуация на острове, если бы не знакомство Сан Саныча с моим литературным творчеством, отражающим некоторые аспекты личности автора? «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» — хорошо сказал великий российский поэт и геополитик. Я его часто цитирую.

По дороге на лечебные источники Сидоровы, сидевшие в автобусе впереди нас, ссорились из-за аптечных покупок Аллы Петровны, а мы с Сан Санычем разговаривали об истории российско-тайских отношений и об истории вообще, а также о литературе. Тогда-то я ему и сказал, что пишу рассказы под псевдонимом, а иногда даже публикую их.

¹ Упанишады — древнеиндийские трактаты религиозно-философского характера, которые подытоживают учения отдельных глав четырех Вед и обычно встречаются в завершающих частях брахман и араньяк. Являются дополнением Вед и относятся к священным писаниям индуизма. Многие упанишады сохранились до наших дней.

² Женьшень («Корень жизни») — лекарственное растение семейства аралиевых, растет в Северной Америке, Японии, Китае, России, Корее и Вьетнаме. Считается, что препараты на его основе продлевают жизнь и молодость организма.

Купание в радоновых источниках, посещение водопада и сплав в спасательных жилетах по реке Квай хорошо описаны в туристических буклетах. Поэтому всех интересующихся отправляю к бумажным и электронным справочникам, поскольку к нашей истории это уже точно не имеет никакого отношения.

На следующий день, после возвращения с реки Квай, рано утром, мы встретились в морском порту Паттайя¹, чтобы на яхте отправиться в морское путешествие к острову. Когда я приехал, Сан Саныч и Сидоровы стояли на причале. Мы уже были «группой» и держались вместе. Там же было ещё несколько человек — по внешнему виду «наших». Наверное, со мной многие согласятся — российских туристов за рубежом так же легко узнать, как раньше узнавали советских.

Глава 2. Утро первого дня. МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА МАЛЕНЬКОЙ ЯХТЕ

*Вот целый год мечтаешь о море, а потом приезжаешь,
смотришь на него и не знаешь, как оно всё поместится в сердце.*

Мэрил Струн

Ещё утром на причале я начал присматриваться к тем, кто вместе с нами должен был отправиться на остров. Моторная яхта была небольшой, но и пассажиров было немного. Пока собирались попутчики, к нам подошла продавщица шляп, солнечных очков и прочих мелких предметов для отдыхающих. Многие, наверное, знают этот тип разносчиков — голова и шея укутаны платками в яркую красно-белую клетку, две корзины, плетённые из молодого бамбука, висят на бамбуковом же шесте. Я купил себе большую оранжевую шляпу типа «сомбреро» — пригодится на острове. Голову надо беречь не только от перепооя, но и от перегрева.

Если бы кто-то в этот момент посмотрел на меня со стороны, то увидел бы пожилого «джентльмена» (мне реально — слегка за шестьдесят, но, когда побрит, выгляжу моложе), рост 167, вес — «хорошо за семьдесят» — с животом, который ещё можно втягивать перед моментом фотографирования. Усы седые, голова с короткими волосами, признаков облысения на темени не видно. И, конечно, очки на носу, потому что с детства плохое зрение. Когда я их снимаю — видны не загоревшие участки кожи под глазами. Не красавец и не урод, совершенно заурядная внешность. С юности был таким. Из сегодняшних достоинств можно назвать только отсутствие морщин на животе, наплевательское отношение к своей внешности и к модным прикидам.

Это совершенно не означает, что я не моюсь, не стригусь, не бреюсь и одеваюсь в тряпье. Просто не задумываюсь над каждой морщиной «на морде своего лица» или лишним килограммом веса. Меня вполне устраивают джинсы и футболка, после того как сорок лет носил светлые сорочки с галстуками тёмных расцветок и костюмы консервативного кроя.

Несколько слов о том, что не определяется по внешности. Я могу неплохо говорить, но ещё лучше умею слушать. Вслушиваюсь в сказанное и в несказанное. Часто легко могу отличить правду от лжи, но бывают и ошибки... Согласен с мнением, высказанным одним современным российским фантастом: «Возраст не в теле, он где-то на глубине души». Где-то там — на «Линии грез».

С молодости часто видел чужие страдания, но не всегда их чувствовал, а часто — даже не делал вид, что сочувствую. И сам причинял страдания, но не по злобному умыслу, а по необходимости... и «так складывались обстоятельства».

Что ещё? Я пытаюсь отделить реальность от иллюзий, истинное от ложного. И в этих попытках многое «вижу насквозь и на полметра глубже». Но иногда не замечаю очевидного. И тогда только один шаг отделяет от очень серьезных ошибок. Как говорится, интуиция сбивала его с правильного пути.

Впрочем, о своих ошибках я уже говорил. Пожалуй что, для первого знакомства информации хватит.

Моё внимание привлекла красивая молодая девушка, на вид лет 25-30, с копной тёмно-русых волос и красивым ровным загаром. Сан Саныч мгновенно познакомился с ней и через минуту представил нас друг другу. Звали её Ольгой. Очень была похожа на молодую Жаклин Кеннеди. Ольга посмотрела на меня совершенно равнодушно и вежливо улыбнулась с почти «американским оскалом». На том берегу Атлантики у англосаксов это тоже обозначает улыбку.

Второй попутчицей оказалась Инна, маленькая хрупкая женщина лет сорока или сорока пяти, бледная, с рыжеватыми волосами, одетая в блекло-синий брючный

¹ Паттайя — курортный город на юго-востоке Таиланда. Расположен на восточном побережье Сиамского залива, примерно в 165 км к юго-востоку от Бангкока.

костюм. Её суетливость, раздражительность и «недовольство всем на белом свете» производили не очень благоприятное впечатление. Инна всем быстро и навязчиво рассказала, что её муж — «очень богатый красноярский бизнесмен», сам выехать на отдых не смог — «важные переговоры с китайцами». Но у меня сразу родилось подозрение, что муж отправил жену на остров, чтобы самому пару недель передохнуть в одиночестве. Разговоры после знакомства Инна начала с вопросов, кто сколько отдал за отдых на острове, и очень расстроилась, когда узнала, что кто-то заплатил за тур меньше, чем она. Уже в баре на яхте Алла Петровна, «добрая душа», оживившаяся после второго или третьего стаканчика рома с колкой, посоветовала Инне сразу после возвращения в Красноярск «разобраться» с продавцом тура.

— Я бы им всем такое устроила, — сварливо и агрессивно вещала Алла Петровна...

Но Инна не собиралась для разборок с турагентством ждать возвращения — она заявила, что как только доберётся до острова, то сразу позвонит и «всем покажет»...

Третьей была Бажена — чрезвычайно худая крашеная блондинка в красной футболке и синих джинсах. Именно из-за худобы тогда я не смог определить её возраст. Она оценивающе осматривала всех мужчин на причале и лишь потом перенесла внимание на женщин. «Список целей в голове формирует», — неприязненно подумал я. В прежние годы на отдыхе я уже сталкивался с таким типажом.

Перед нами на трап яхты поднялся крепкий мужчина, на вид лет сорока и ростом выше 170 см. Одет был в джинсовые брюки и в тенниску с коротким рукавом, открывающую очень развитую мускулатуру рук. Крепыш, однако... Короткие волосы модной стрижки придавали ему шарм. Тип — «мачо», сформулировал я свое первое впечатление. Ольга посмотрела на него с явной заинтересованностью. «Спортсмен? — мелькнула у меня мысль. — И если да, то какой вид спорта? На штангиста, борца или боксёра не очень похож. Может быть, биатлонист?» Спокойный и молчаливый, с офицерской выправкой. Такие нравятся женщинам, которые нуждаются в «крепком мужском плече». Через час — уже на яхте — мы познакомились, его звали Виктор.

Ещё двое попутчиков не явились к отплытию, по телефону Сан Санычу связаться с ними не удалось, и капитан, прождав час, отдал команду на отплытие. На выходе из порта, когда ещё была доступна сотовая связь, я стал невольным свидетелем телефонного разговора «крепыша» Виктора. Он меня не видел из-за рубки, но слышимость была очень хорошей, и даже слова собеседника Виктора на том конце радиоволны я вполне разобрал:

— Может быть, никто не приедет... отдыхай...

— Как не приедет? — спросил Виктор. — А я-то тогда там зачем? Яхта уже отошла, её не развернуть.

— Отдыхай и всё же попробуй что-нибудь узнать. Есть другая информация...

— Подожди, — сказал Виктор, — наушники подключаю.

Продолжения разговора я уже не слышал. После того как порт и город скрылись из глаз, я спустился в судовой бар. Там собрались все, кроме Ольги, и уже взялись за алкоголь. Супруги Сидоровы опять пили ром со льдом, Сан Саныч и Виктор с видимым удовольствием тянули какое-то светлое пиво. Оба сидели лицом к дверям бара, а за спинами — глухая перегородка. «Случайность? — подумал я. — Или привычка контролировать вход?»

Инна сидела с бокалом апельсинового сока, а Бажена — с каким-то сложным разноцветным коктейлем, украшенным ломтиком неизвестного мне фрукта. Своим приходом я прервал рассказ Сан Саныча.

— Что будете пить, сэр? — обратился ко мне судовой бармен с ярко выраженной азиатской внешностью. Чтобы понять эту фразу, хватило даже моих скудных познаний в английском.

— Красное сухое есть? — спросил я тоже на английском.

В ответ бармен произнёс длинную речь, в которой я сначала различал названия разных стран — Франция, Италия, Германия, а потом совсем запутался.

— Сан Саныч, помоги, — воззвал я к нашему полиглоту, — моих познаний уже не хватает, объясни маэстро, что мне нужен «Медок» из Бордо. А если нет — уточни, пожалуйста, есть ли далатские вина.

— Да я смотрю, у тебя губа не дура, — засмеялся Сан Саныч, — не каждый про далатские вина знает¹.

Но «Медок» на борту был, и вскоре я держал в руке достаточно вместительный бокал, наполненный на две трети.

— Извините, что прервал вашу беседу. Если не секрет — о чём шла речь?

¹ Традиции вьетнамского виноделия были заложены в Индокитае еще французами. Далатские вина — гордость провинции Далат и всего Вьетнама. Производятся по французским и итальянским технологиям на центрально-вьетнамском плато Тайнгун.

— Сан Саныч рассказал об острове, на котором мы будем отдыхать, — ответила Алла Петровна.

— Да, — подтвердил Сан Саныч, — на остров взглянуть будет интересно. О нём сейчас много пишут и говорят. Раньше это была частная закрытая резиденция какого-то гонконгского финансового магната — забыл, как его звали. А после его внезапной и насильственной смерти резиденция была продана наследниками известной международной сети, и там сделали престижный отель. Сам остров арендован на 49 лет. Российские туристы едут туда второй или третий сезон, и все довольны. И это несмотря на отдалённость острова от побережья — морем идти около шести или семи часов, в зависимости от скорости судна, от силы ветра и степени волнения на море.

Затем начались общие воспоминания, кто где бывал и отдыхал, какой был сервис и особенности экзотики — обычные разговоры бывалых туристов. Алкоголь быстро развязал языки, и лишь Виктор был сдержан, да я предпочитал больше молчать, хотя мог бы многое рассказать о своих путешествиях в пятнадцать зарубежных стран.

Слушая и незаметно приглядываясь к сидящим за столом, я пытался составить первое впечатление и позднее сравнить — угадал характеры людей или нет. Нормальное поведение нормального литератора — вдруг что-то из наблюдений когда-нибудь в творчестве пригодится.

Яхта быстро шла по волнам южного моря к далекому и, как оказалось позднее, смертельно опасному острову.

Глава 3. Полдень первого дня. ТРИДЦАТЬ СЕКУНД ДЛЯ ПЕРВОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ

*Женщину мало смущает то, что у неё нет некоторых высоких понятий,
что она пуглива и не предназначена для важных дел;
она прекрасна и пленяет — этого достаточно.*

Иммануил Кант

Несколько слов скажу об острове, на котором нам предстояло провести неделю отдыха. Он представлял из себя торчащую из моря довольно большую одинокую гряду с несколькими вершинами. Внизу по окружности острова была узкая полоска пляжа с крупным песком. Широкий причал (или правильно его надо называть пирс?) на вбитых в дно бетонных сваях уходил в море метров на двадцать. С одной стороны к пирсу были пришвартованы небольшой катер, пара вместительных весельных лодок, желтый катамаран и три гидромотоцикла неизвестной мне марки. С другой стороны к пирсу причаливали яхты и большие катера. Неподдалёку от пирса, у подножия скалы, был оборудован большой стеклянный лифт, ведущий на вершину, и там же начиналась лестница, вырубленная в скале и ограждённая стальными тросами. Она несколькими пролётами подымалась к отелю и почти огибала скалу.

Отель был расположен на двух уровнях. На нижнем — в середине острова среди выступов скал — была терраса и большой бассейн с морской водой, которая качивалась мощными насосами. Рядом с бассейном — несколько тентов и шезлонги, а также маленькая открытая спортивная площадка, теннисный корт, обнесённый зелёной пластиковой сеткой, и тренажёрный зал, вырубленный в скале. Второй бассейн — с пресной водой — располагался за скалой в нескольких метрах от дорожки, ведущей к жилым помещениям обслуживающего персонала. Рядом с ним — с десяток шезлонгов и столиков, полукругом были высажены в кадках большие пальмы. Красивое место, но его было видно не со всех сторон.

Наверху, на южной стороне, были построены 16 жилых апартаментов (или правильно назвать их бунгало?). Это были отдельные одноэтажные домики, стоящие друг от друга метрах в трёх или четырёх. Между домиками был посажен кустарник и разбиты небольшие цветочные клумбы. Апартаменты полукругом охватывали третий бассейн, который тоже наполнялся пресной дождевой водой. Домики были соединены между собой широкой крытой галереей, которая заканчивалась у входа в ресторан. От него другая крытая галерея уходила к пяти роскошным двухэтажным виллам (каждая со своим большим бассейном), стоявшим друг от друга примерно в десяти метрах. При тропических дождях крыша над дорожками нужна обязательно.

У меня сложилось впечатление, что раньше — ещё когда островом владел убиенный позднее гонконгский финансист — здесь жила часть охраны и лица, сопровождавшие почётных гостей молодого хозяина. А те, без сомнения, располагались в виллах. И, если я правильно понял, стоимость проживания там была не по карману никому из нашей тёплой компании.

В закрытом одноэтажном ресторане с большими окнами могли свободно

разместиться человек сорок или пятьдесят. Между рестораном и бассейном был расположен открытый бар под черепичным навесом, стояло пять или шесть деревянных столиков на резных ножках. Возле бассейна размещались передвижные зонты и шезлонги, а далее, метрах в тридцати от них, была устроена небольшая танцевальная площадка со сценой. Как потом объяснил управляющий отелем, перед ней — в случае необходимости — ставили лёгкие кресла в нужном количестве.

На западной стороне острова, под прикрытием одной из вершин, над высоким скальным обрывом, были оборудованы две большие ванны (или два маленьких бассейна?) с сидениями и лежаками — для медитации на уходящее солнце. Все хозяйственные постройки и жилые помещения для персонала находились на более высокой северной стороне острова, но и они были прикрыты скалами. Со стороны отеля их было почти не видно, за исключением мачты ветроэлектростанции и отдельно стоящей вышки связи. Там же, в углублении скалы, был огромный резервуар для дождевой воды. Позднее я узнал, что во время тропических ливней, когда резервуар переполнялся, лишняя вода сбрасывалась в море через расщелину в скале, и получался довольно красивый, хотя и маленький, водопад.

Вообще, мне показалось, что выдающийся архитектор все постройки спроектировал с большим искусством, учитывая природный рельеф и предусмотрев посадку разнообразных зелёных насаждений, включая пальмы и какие-то хвойные породы. За несколько лет их корневая система, засыпанная грунтом, укрепилась в расщелинах скал, и деревья выдерживали сильные ветра. Всё было сделано очень качественно, и постройкам не страшны были тайфуны, которые часто бушуют в этих широтах.

Да, чуть не забыл — на острове, кроме электрического освещения, питаемого за счёт солнечных батарей и ветроэлектростанции, было множество самых современных светодиодных фонарей. Они были размещены на лестнице, ведущей от пирса к отелю, на деревьях и беседках, на крышах и балконах домов и вдоль галереи, ведущей к ресторану. Всё ограждение на скале возле отеля и внизу на террасе было буквально утыкано различными светильниками. Они же были смонтированы в дно бассейнов и окружали их по бортам. Светодиодные светильники были везде — проблем с освещением территории на острове не было.

Домики для туристов были почти все одинаковые по размерам и планировке и отличались только внутренним оформлением. Они имели по два входа — один с торца домика в небольшую прихожую. Из неё дверь вела в довольно большую комнату — метров тридцать или чуть больше. Справа у одной стены было смонтировано большое гардеробное отделение с раздвигающимися дверцами, а рядом за отдельными панелями были спрятаны небольшой переносной сейф, холодильник и бар, а также откидывающаяся полка для ноутбука и принтера. Слева, у другой стены, стояла огромная кровать, с двумя небольшими прикроватными тумбами, а над ними — бра в восточном стиле. Третья стена была, по сути, одним большим окном с дверью, выходящей на балкон, с которого открывался вид на бассейн. Возле этой стены стоял письменный стол и небольшое крутящееся кресло. При необходимости вся стена закрывалась большой и плотной тёмно-коричневой шторой.

В середине моей комнаты стояли стеклянный журнальный столик овальной формы и три низких мягких кресла. На потолке висела большая, но соизмеримая с размерами комнаты, хрустальная люстра, а на полу лежал толстый мягкий ковёр с цветочным орнаментом и восточной расцветкой. Стены были украшены зеркалами в резных рамах и деревянными панно. Определить происхождение резьбы по дереву я бы не взялся. Возможно, Китай или Таиланд... Но однозначно — Юго-Восточная Азия. Несмотря на смесь европейской мебели с азиатским оформлением, интерьер не вызывал раздражения. На письменном столе стояли два подсвечника из нефрита и золоченой бронзы. Глянув на них, я мысленно, но ехидно, сделал пометку — «в стиле позднего Фаберже».

В ванной комнате площадью пятнадцать-шестнадцать квадратных метров размещалось вполне современное оборудование...

Теперь вы вполне можете представить, на какой «сцене» разворачивались драмы и трагедия... точнее сказать, несколько трагедий.

Когда лифт поднял нас с берега на вершину, перед рестораном мы увидели отельную прислугу, выстроившуюся в ряд: официанты, повара, горничные, портье, бармен и прочие, и прочие, обязанности которых я не знал. Все были одеты в фирменную одежду красноватого цвета с желтыми вставками. Впереди стоял управляющий — молодой вьетнамец, одетый в легкий светло-голубой костюм европейского покроя. Он приветствовал нас на очень хорошем русском языке. То, что русский не был ему родным, выдавала только мягкость и мелодичность произношения. Управляющий сообщил, что его зовут Данг Минь Ван и что многим тяжело запоминать и произносить это имя, поэтому он не обижается, если русские его зовут Иван, Ван, а также Ваню, а

французы — Жан.

«Ну да, ну да, как же, — я мысленно два раза хлопнул в ладоши. — Конечно, именно русские и называли тебя Ваню. Наверняка тут побывал до нас какой-нибудь грузинский мини-олигарх».

Между тем, Ван ещё раз напомнил, что нам и так было хорошо известно — режим «всё включено», нет никаких ограничений на питание и напитки, выбор которых очень богатый. Тайский массаж и другие услуги тоже были бесплатными. «Ещё один филиал Рая», — я хмыкнул молча и, поправив очки, стал с любопытством оглядываться.

Управляющий представил каждого сотрудника, начиная с шеф-повара, сообщив, как его зовут и чем он занимается, но я тут же забыл все экзотические восточные имена. Обслуживающий персонал, по знаку Вана, склонил головы в традиционных азиатских поклонах и разошёлся.

Возле открытого бара за столиками сидели те, кто покидал отель на прибывшей яхте. Матросы, переносившие наш багаж, забрали их вещи и отправились к лифту, а мы немного поболтали с отъезжающими о том, какой здесь отдых и что интересного. Я обратил внимание на очень симпатичную и ухоженную женщину лет сорока на вид. Она о чём-то спросила капитана. Тот в ответ отрицательно покачал головой и ответил короткой фразой. Повернувшись к бару, я заметил, за этой сценой из-под навеса наблюдал и Виктор. Второй раз она же привлекла мое внимание вскользь брошенной фразой: «У нас тут пятьдесят оттенков солнечного цвета». «Оригинально, — подумал, — есть в этой фразе дополнительные смыслы».

Через полчаса яхта ушла. Она должна была за нами вернуться через неделю. Мы помахали «во след» и пошли в свои домики, поскольку все формальности с паспортами не требовали нашего участия и уже были закончены, а вещи перенесены. Тут-то и выяснилось, что не все из предыдущего заезда отправились вместе с яхтой. На острове осталась привлекательная женщина, на которую я уже обратил внимание, когда она разговаривала с капитаном яхты, и молодой паренек из «бывших до нас».

Перед обедом все собрались у бара возле бассейна — побаловаться аперитивчиком. Выбор напитков был действительно великолепным. Бармен (он же — один из официантов), молодой, невысокий и довольно щуплый на вид вьетнамец, легко болтал на английском и французском языках и даже знал несколько слов на русском: водка, ром, вино, текила, коньяк, пиво, шампанское, коктейль и «давай ещё по одной».

Сан Саныч, как опытный массовик-затейник из профсоюзных санаториев былых времён, взял на себя дополнительную организацию всеобщего знакомства. Он предложил присутствующим в течение 30 секунд рассказать о себе. Схема представления была простой — имя и фамилия, страна и город, из которого человек прибыл, род занятий или профессия... ну и всё остальное — по желанию человека.

— Бейджиков у нас тут нет, рано или поздно за неделю все, конечно, перознакомятся, но этот метод позволяет быстрее сплотить «команду» отдыхающих, — широко улыбнувшись, закончил своё выступление Сан Саныч. Послышались голоса одобрения, а я, не надеясь на память, незаметно включил на телефоне записывающее устройство. Вот эта аудиозапись и позволяет мне теперь почти дословно воспроизвести самопредставление наших туристов. Про Сан Саныча уже рассказывал, поэтому не буду повторяться, хотя он, для примера, выступил первым и уложился в 29 секунд. Я специально засёк время.

За Сидоровых выступала Алла Петровна. Она сообщила, что супруги живут в Тюмени, раньше занимались бизнесом, а сейчас на пенсии. Их цель — отдых, массаж и другие оздоровительные процедуры, способствующие снижению веса. При этих словах несколько взглядов скрестились на Николае, который, как я уже упоминал, был довольно худым, если не употреблять слово «тощий». У некоторых на лицах промелькнули слабые улыбки. Николай о себе добавил немного, хотя говорил так энергично, что расплескал виски из бокала себе на брюки. Видимо, сказывалось выпитое на яхте... Мы услышали, что когда-то он трудился инженером на заводе, потом заведовал кафедрой и что любит рыбалку. У Сидоровых на представление ушло больше двух минут.

Ольга сообщила, что её фамилия Крутова, живет в Москве, раньше работала в крупном банке, недавно очень сильно переболела гриппом и пневмонией и сейчас должна восстановить здоровье на морских курортах в тёплых водах. Это — её основная задача, а всё остальное — как получится. «Молодец, — подумал я, дослушав речь Ольги, — кратко и по сути. Интересно — она на свои деньги приехала? Или спонсоры есть?»

Виктор Косов, тоже очень кратко, я бы сказал, по-военному, доложил, что ему сорока еще нет и что сейчас он владелец и директор екатеринбургского агентства маркетинговых исследований. Все женщины с интересом взглянули на Виктора, и это отметил не только я, но и Сан Саныч.

Инна Старикова в полминуты отведённого времени, конечно, не уложилась,

поскольку начала рассказывать, какой большой бизнес у них с мужем в Красноярске и по всей Сибири и что скоро начнётся развитие в Китае, вот тогда все конкуренты слезами умоются... Что сама она ведёт здоровый образ жизни, алкоголь, никотин, наркотики, сахар и мясо не употребляет, ибо «это варварство — в современных условиях убивать животных ради пропитания»...

Скука читалась на лицах присутствующих, видно, многим был знаком такой тип жены бизнесмена и вегетарианки. Некоторое оживление мелькнуло лишь тогда, когда Инна с загадочным видом сказала, что она любит стихи, пишет экспериментальную прозу и готова как-нибудь выступить на своём творческом вечере, если её попросят. Сан Саныч предложил сегодня же вечером и устроить «встречу с поэзией», на которой каждый из присутствующих прочитает одно или несколько стихотворений. Народ ответил недружными возгласами согласия.

«А что... неплохо для продолжения знакомства, — подумалось мне. — «Скажи мне, какие ты любишь стихи, и я скажу, кто ты»».

Бажена Бубей, худая, как узник концлагеря или модная фотомоделль, манерно поведала, что она по специальности социолог и после окончания университета работает в правительстве. Тут возле барной стойки хлопнула пробка от шампанского, и я не расслышал название области — то ли Самарской, то ли Саратовской, — где работала Бажена. Сейчас в каждой области — «свое правительство» и «свой парламент», а также — «белый дом». Слава Богу, что хоть пока нет своих «капиталиев» и «ватиканов». Впрочем, это совершенно неважно для моего рассказа.

Потом с улыбкой, которую сама Бажена, наверное, считала «томной», а я бы квалифицировал как... поведала нам, что она не замужем и что ей нравятся мужчины, которые старше неё. «Ну, точно, — мысленно хмыкнул я, — составила список мужиков, ранжировала его и вышла на «тропу охоты»». Как говорил один советский сатирик: «В хороший сезон двух-трёх мужей взять можно».

Тут справа мне послышалось тихое, но очень ехидное замечание Ольги: «Пожилых мужчин она любит за то, что у них слабое зрение». Слегка повернув к Ольге голову, я также тихо сказал: «Добрая фея отличается от злой ведьмы только настроением». Она лишь фыркнула в ответ.

Надо ещё упомянуть, что на яхте Бажена не ограничила себя в поглощении алкогольных коктейлей и выпитое сейчас очень сильно сказывалось на её поведении.

Самым молодым в нашей компании был Костик, довольно упитанный юноша на вид лет двадцати, известный, что он студент и учится в Питере на факультете рекламы и связей с общественностью, любит хип-хоп и электронную музыку, а также песни Айлиш. Как-то сразу было понятно, что это сынок богатых родителей — вряд ли у самого студента были деньги на оплату дорогого тура в моря Юго-Восточной Азии, а Костик «гостил» тут уже то ли вторую, то ли третью неделю. Мне показалось, что для парня, которому исполнилось двадцать лет, имя «Костик» звучит уж как-то сильно по-детски. Можно было бы назваться Константином или хотя бы Костей. «Что ты придираешься к парню, — мысленно одёрнул я себя, — меряешь по своим годам... Это тебя в его возрасте уже называли Олегом Петровичем». И вдруг мелькнула мысль — а что же Костик, указав факультет, университет-то или институт не назвал?

Когда начала выступать Надежда Владимировна — дама, которая осталась на острове, — мне что-то почудилось, и я попробовал разглядеть её лицо получше, но не получилось. Надо сказать, что зрение у меня плохое, а очки были слабые. Я сидел далеко и поэтому лицо Надежды толком не разглядел. Но выслушал её очень внимательно — слух-то у меня до сих пор отличный. Надежда сообщила, что она живет в Москве, много лет занималась журналистикой, пиаром, «и прочее», а сейчас — фрилансер и пишет книгу воспоминаний о встречах с «разными видными фигурами». На остров приехала, чтобы никто и ничто не отвлекали от написания книги.

Для себя я решил, что позднее обязательно надо поближе взглянуть на Надежду — интересно же посмотреть на «свободное копьё» современной отечественной журналистики. И сколько же денег надо зарабатывать фрилансерам, чтобы писать книги на дорогих курортах в тёплых морях? Она, как и Костик, тоже вторую неделю жила на острове. И говор её не был «чиста московским»... Кого же она мне напоминает? Я мысленно прикидывал, с кем из знакомых можно сравнить Надежду?

Дошла очередь и до меня. Свои тридцать секунд я использовал максимально, сообщив, что недавно перешагнул шестидесятилетний рубеж, на пенсии уже пять лет, дети взрослые, учусь в аспирантуре по философии, потихоньку пишу диссертацию на тему «Аксиологические аспекты хобби и иных форм творческой занятости», люблю книги, красное вино и хороший коньяк. На острове намерен сначала «ничего не делать», а потом как следует «хорошо отдохнуть».

Слова «философия», «аспирантура» и «диссертация» у присутствующих вызвали оживление и усмешки. Инна спросила, не поздно ли учиться после

шестидесяти? К таким вопросам я давно был готов и, не задумываясь, уточнил, что и учёбу, и диссертацию рассматриваю как средства торможения будущего старческого слабоумия, сиречь деменции и маразма.

— И вообще, — добавил я, — определение возраста зависит от позиции — можно сказать, что тебе седьмой десяток идёт, а можно утверждать, что только первая сотня. И все это будет чистой правдой.

В этот момент в дверях ресторана появился шеф-повар и торжественно провозгласил, что обед готов. И он — обед — был великолепен. Отдых начинался прекрасно...

Глава 4. День первый. ПОСЛЕОБЕДЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ С ЛЕНИНГРАДСКИМ ВЬЕТНАМЦЕМ

Как знать, где найдешь золото, а где жабу?

Вьетнамская пословица

*Я всё равно ни о чём не жалею —
хотя бы потому, что это бессмысленно.*

Эльчин Сафарли

Свободным временем после обеда каждый распорядился по своему усмотрению. Одни пошли отдыхать в свои домики, другие — осматривать остров и купаться в море или в бассейне. Сан Саныч, Надежда, Виктор и Ольга собрались покататься на гидромотоциклах. Я постоял с ними на причале и вернулся к отелю. Возле ресторана встретил Ван и решил выяснить, откуда у него такое хорошее знание русского языка... и вообще познакомиться поближе. Мы присели под навес у бассейна, я попросил бармена принести мне бокал красного сухого.

— Рекомендую вам попробовать наше знаменитое яблочное вино «тао мео», — сказал Ван. — Оно обладает сладким вкусом с примесью горькости и резкости, как у нас говорят, «ароматом гор». Очень благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему.

— Ван, ты говоришь как врач, а не как управляющий отелем.

— К сожалению, мне не пришлось стать врачом — только три курса закончил в Минском медицинском институте. Потом, как у вас говорят — по семейным обстоятельствам, вынужден был оставить учёбу.

— Ты так хорошо русский язык в Минске выучил?

— Нет, не там... Я ведь в Ленинграде родился и там же школу закончил. Мой отец учился, а потом и работал в Ленинградском высшем военно-политическом училище противовоздушной обороны имени Ю.В. Андропова. Дома... на родине... он был зенитчиком, воевал с американцами, потом в СССР учиться направили, мама к нему позднее приехала.

Вот это была неожиданность — встретить ленинградского вьетнамца посреди тропического моря.

— Слушай, а сколько же тебе лет?

— Уже больше сорока — я в 1977 году родился.

— Ну тогда понятно, откуда такой прекрасный русский язык — советская школа в Ленинграде! А что потом?

— А потом в СССР началась перестройка, которая закончилась распадом вашей великой страны... Моя семья сначала переехала в Белоруссию, а потом мы вернулись во Вьетнам. Я устроился в туристическую фирму — знание русского языка помогло, потом решил делать карьеру в отельном бизнесе. Закончил бизнес-школу, а недавно — Академию HoReCa¹. Были стажировки во Франции и в Великобритании. Месяц назад руководство фирмы назначило меня сюда управляющим. Если хорошо себя зарекомендую в течение года — перейду на следующую ступень.

— Однако, крутые повороты в твоей судьбе. Но я бы на вид тебе больше тридцати лет и не дал...

— Европейцы, в том числе и русские, часто ошибаются, определяя возраст вьетнамцев и вообще азиатов. У вас другие возрастные понятия. Простите, — сказал Ван с неизменной улыбкой, — мне надо идти — дела требуют моего внимания. Надеюсь, что вы прекрасно отдохнёте в нашем отеле.

¹ HoReCa — сокращение от первых букв слов Hotel, Restaurant, Café/Catering (отель, ресторан, кафе), в целом — индустрия гостеприимства.

Глава 5. Вечер первого дня. «ВСТРЕЧА С ПОЭЗИЕЙ» И ДРУГИЕ НЕ ПЛОТСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

*Не тот поэт, кто врет о многом,
но тот, кто пишет чистым слогом,
умеет здраво рассуждать.*

Янкович де Мириево¹

*Главный плюс алкоголя — под его воздействием человек
не в состоянии держать маску. Начинает говорить гуша...*

Сергей Есенин

Ещё во время обеда Ван всем объявил, что вечером для более тесного знакомства он, как представитель принимающей фирмы, по предложению Сан Саныча, организует коктейль-вечеринку. А мы решили совместить её с «вечером поэзии».

После ужина distinguished публика собралась возле бара. Официанты, по указанию Вана, столы и стулья полукругом поставили возле бара. В самом начале я включил диктофон на своем телефоне. Потом внимательно послушаю... Для составления психологических портретов это многое даёт... Так же как и анализ нарядов и украшений. Поверьте на слово... как литератору.

Алла Петровна вырядилась в откровенные прозрачные тряпочки, едва прикрывавшие её оплывшее тело. Но уши оттягивали тяжёлые золотые серьги с довольно крупными бриллиантами, а на толстых пальцах красовались массивные перстни с изумрудами и рубинами. Я вам прямо скажу, что украшения могут другим сообщить о вас больше, чем стандартная служебная характеристика. Даже если это просто обезличенная золотая побрякушка, «нафаршированная» бриллиантами.

Платье Ольги было странного кроя. Будто она просто обернула себя куском тонкой, едва мерцающей материи, уложив всё мягкими складками. Шея и плечи были полностью открыты. При каждом движении ткань переливалась, натягивалась и колыхалась, ненавязчиво подчёркивая соблазнительные формы молодой женщины. На шее у неё были две тонкие золотые цепочки. На короткой висела подвеска из белого золота или платины в виде стилизованной буквы «О», а с длинной свисала очень вытянутая, продолговатая капелька из того же металла, с шариком на конце. На запястье левой руки был разомкнутый браслет, концы которого украшали круглые белые жемчужины, а на пальце правой руки одно кольцо — тонкий ободок с большой белой жемчужиной неправильной, но интересной формы.

Позднее мне пришлось услышать фрагмент разговора Надежды и Аллы Петровны по поводу украшений Ольги на коктейльной вечеринке. Надежда сказала: «Это работа ювелирного дома «Шомэ»². Я почти такой же набор видела в Париже на выставке. Серия лимитирована, и комплект, если не говорить слово «дорого», стоит очень и очень недешёво. Похоже, что не бедная девушка Оля, если это не подарок богатого любовника».

Я тогда сделал вывод, что молодость Ольги еще не завершилась и она хорошо смотрелась на фоне Надежды, Инны и Бажены, хотя последняя, как мне показалось, была моложе Ольги. Но сначала моё внимание привлекла именно Бажена.

Во время долгого перелёта Москва — Бангкок, от вынужденного безделья и скуки, я пролистал рекламный каталог с фотографиями женских и мужских украшений и получил представление, что было ультрамодным в этом сезоне. А вообще-то ювелирные украшения мне интересны с молодости — когда-то в родном городе я дружил с ювелирами и видел, как идея, набросанная карандашом на измятом листе бумаги между двумя-тремя затылками папиросы, позднее превращается в законченное изделие. Правда, работали тогда мои друзья в домашних мастерских, украшения делали из мельхиора и серебра, а за поделочными камнями сами ходили в Уральские горы. Но какие у них были работы!

Бажена втиснулась в узкое зелёное платье, почему-то напомнившее мне по цвету змеиную кожу. И в лице её тут же проступило что-то от крупной особи пресмыкающейся. На ней была дорогая бижутерия, и, по замыслу, украшения, видимо, должны были придать ей гламурные нотки, изящность и элегантность, показать роскошь и шик. Но мне чудилась в обилии украшений какая-то дисгармония, если не сказать

¹ Федор Иванович Янкович (де Мириево) (1741-1814) — сербский и российский педагог, член Российской академии (с 1783 г.).

² Chaumet — королевский ювелирный бренд с Вандомской площади (Париж, Франция), на протяжении двух веков олицетворяет парижский шик. С 1780 года его ювелирные изделия можно считать синонимом парижской элегантности.

— безвкусица. Сформулировать словами, в чём именно это проявлялось, я бы, наверное, не смог. А может быть, всё дело было в моих консервативных взглядах на женские украшения? Мне кажется, что несколько цепей и цепочек разного размера на одной шее — это явный перебор. Особенно неуместным показался мне кулон в виде навесного замка жёлтого цвета, свисающий на длинной цепочке до ложбинки у груди Бажены. Почему-то вспомнилась дурная традиция влюблённых навешивать замки на решётки и другие ограждения мостов и мостиков, а ключ бросать в воду. Видел я однажды в Екатеринбурге на мосту у «Плотинки»¹ сотни навешанных замков с гравированными романтическими надписями. И один из них поразил меня — замок был ржавым... Символ ржавой любви?

На что Бажена намекала своим кулоном-замком? Что её сердце и душа закрыты? Или она вообще никогда не думала о символике украшений?

Платье Надежды оказалось самым традиционным — в пол, глубокого синего цвета, вполне прилично открывающим её загорелые руки и крепкую шею. «Не спорили» с платьем золотые серьги в виде двух довольно длинных цепочек, не доходящих до плеч, которые держали крупные чёрные жемчужины. Левую руку украшало фигурное кольцо с большой черной жемчужиной в середине и четырьмя маленькими бриллиантами. Я смотрел на Надежду практически со спины, и лишь рука с бокалом была хорошо видна.

Что-то легонько ворохнулось в моей памяти... Черный жемчуг, черный жемчуг... Делает неотразимой каждую женщину, придавая уверенности в себе и притягивая внимание к хозяйке. У слабых натур вызывает восхищение вперемешку со страхом или трепетом. «Черный жемчуг, черный жемчуг, черный жемчуг переехал мою маленькую жизнь». Нет, в той песенке, кажется, были другие слова...

Итак, это украшения зрелых и состоявшихся дам, помогают им раскрыться полностью. Женщина чувствует себя почти ведьмой, хладнокровно оценивающей любую ситуацию. Надежда сама как крупная черная жемчужина... Чем же она меня заинтересовала? Надо найти ответ на этот вопрос. Впрочем, какая дурь в голову лезет. Черная жемчужина не «черная вдова». Интересно, ее мужья еще живы? Сомнений в том, что муж был не один, у меня даже не возникало. Такие дамы идут по мужским сердцам и портмоне уверенной походкой.

У Надежды был хороший вкус или опытный советник. Красота ее пока не поддавалась напору зрелости. В тот вечер, не кривя душой, я вполне мог бы назвать ее очень красивой женщиной. Но видел ли я ее где-либо раньше — так и не смог понять. Кого же она мне напоминает? Я мысленно прикидывал, с кем из знакомых можно сравнить Надежду? Но толковых мыслей или воспоминаний не было. Ладно, Бог с ней... Ни к чему мне эти заморочки не очень трезвого сознания.

Инна очень удивила меня своим серебряным гарнитуром с чароитом — красивые круглые серьги, кольцо и два ручных браслета. И платье оказалось ему под стать — лёгкое, летящее, с крупными цветами по подолу. Оно одинаково хорошо смотрелось бы и днём на залитой солнцем набережной, и вечером при свете электричества. Я сказал Инне искренний комплимент по поводу её украшений. Она ответила, что это авторская работа известного красноярского ювелира, сделанная в одном экземпляре по заказу мужа на двадцатилетний юбилей супружеской жизни.

— «Из тёмно-фиолетового как бы прорываются таящиеся в нём катастрофы, но стоит его чуть чуть высветлить, как мы тутчас начинаем видеть его благочестие». Кажется, так писал Иоханнес Иттер² в своей работе «Искусство цвета»? — спросил я у Инны. Мне показалось, что при слове «катастрофа» Инна чуть вздрогнула и изменилась в лице, но, может быть, это была только игра света, теней и порыва морского ветра, качнувшего ветви деревьев.

— Простите, — сказала Инна и отошла от меня. И даже в этом коротком «простите» прозвучали какие-то тревожные нотки.

«Может быть, она в пограничном состоянии? — подумал я. — Хотя где чёткие грани между нормой и патологией? И основной вопрос бытия остаётся без ответа — всем ли женщинам надо демонстрировать свой ум, память и широту кругозора?»

Мужчины были одеты гораздо проще. Николай — в мятых светлых брюках и в белой рубашке с коротким рукавом. Для его впалого живота не хватало дырок на жёлтом кожаном ремне.

Сан Саныч был в белом костюме и светло-голубой сорочке без галстука. Впрочем,

¹ «Плотинка» — это плотина городского пруда на реке Исеть в центре Екатеринбурга.

² Иоханнес Иттен — швейцарский художник, крупнейший исследователь цвета в искусстве и один из ведущих преподавателей знаменитого Баухауза, самой влиятельной школы прикладного искусства, дизайна и архитектуры XX века. За четырнадцать лет своего существования она произвела художественную революцию, стала тем местом, где художники и ремесленники разных стран пытались переосмыслить мир.

пиджак он сразу снял — хотя дневная жара спала и с моря дул ветерок, но в пиджаке всё равно было бы жарко.

Виктор явно предпочитал спортивный стиль. Он был в джинсах и тёмной хлопковой тенниске с коротким рукавом и небольшим воротником.

На Костика я почти не обратил внимания — какие-то брендовые шмотки с ядовитой расцветкой. То ли в длинных шортах, то ли в коротких брюках. Рубаха расстёгнута почти до пупа, обнажая безволосую грудь. Что были за бренды? Да я не смогу их назвать даже под угрозой смертной казни. Далёк, далек я от молодёжной моды, как комета Галлея от Земли.

Если бы на этой вечеринке я присуждал призы за элегантность, то первые три места среди женщин достались бы Надежде, Ольге и Инне. А среди мужчин — однозначно Сан Санычу и Виктору. Все остальные не могли составить им конкуренции.

Я был в лёгких кремовых брюках и тёмной шёлковой рубашке с короткими рукавами. Ни на кого производить впечатление внешним видом не собирался — главное, чтобы было удобно и не жарко. Был, конечно, диссонанс в нарядах мужчин и женщин. Но что поделаешь? Джентльмены не захватили на отдых свои фраки и смокинги, а дамам как-то надо демонстрировать привезенные наряды. А на Сан Саныче смокинг смотрелся бы привычно и элегантно.

Коктейльная вечеринка позднее чётко разделилась на две неравные части — поэтическую и танцевально-алкогольную, и честно скажу — алкоголь помешал запомнить все детали второй части. Увы, хотя и очень редко, случается со мной такое... Написал... бывает... каюся. Поэтому расскажу сначала о поэтической части, которую запомнил гораздо лучше.

С декламацией решились выступить не все. Заявились Инна, Бажена и я. Сан Саныч сказал, что он подумает и позднее решит — выступать или нет. Виктор сказал полусуто, что он помнит только матерные стихи. Остальные уведомили, что они будут «благодарными слушателями».

«Встречу с поэзией» начала Инна, но то, что она прочитала, вызвало, как минимум, недоумение.

— Это стихи одной хорошей поэтессы... я фамилию авторки забыла... Это крик израненной души, — с надрывом сказала Инна, а потом с чувством продекламировала:

*Чего не захочешь, того не будет —
врут мне в лицо...
ребята, товарищи, граждане, люди,
в конце концов,
это ли не театр, заговор фантомасов,
сценическая брехня?
На меня наматывают ошмётки мяса
среди белого дня
и говорят: для твоей же пользы,
давай помогай,
принимай непринуждённые позы,
не дыши, не моргай...*

Потом что-то ещё было про «обновленную тварь», «выпаривание хлора и калия из мышц этой несчастной», «злую тоску» и «чёрт ещё знает что». Это все слова из «стихотворения», которое нравилось Инне. Под очень жидкие аплодисменты Инна села на своё место.

Сан Саныч тонко чувствовал обстановку и, видимо, решил действовать на контрасте. Он допил свой коктейль «Крёстный отец»¹, встал, откашлялся и сказал:

— Я прочитаю вам в русском переводе стихи Хо Ши Мина, или, как его иногда называли, дядюшки Хо. Он был видным деятелем Коминтерна, основателем коммунистической партии Вьетнама и коммунистической партии Индокитая, первым президентом Демократической республики Вьетнам и создателем «Вьетконга» — Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Хо Ши Мин долгое время сидел в тюрьме по политическим мотивам и там писал стихи. На вьетнамском языке они, конечно, звучат по-иному. Но вряд ли кто-то, кроме Вана, сможет их понять. Прочитаю два стихотворения на русском и одно — на вьетнамском.

«Сан Саныч, — мысленно возопил я, — ну кому ты тут рассказываешь про Хо Ши Мина, Коминтерн и Вьетконг? Они же все — кроме Сидоровых — выросли после распада СССР, ни в школе, ни за её пределами, в принципе, слов таких слышать не могли. Это мы с тобой — «осколки великой эпохи великой империи», а они — «поколение, отравленное пепси». И... кроме того... на дорогом курорте читать стихи дядюшки Хо, держа в руке бокал с «Крёстным отцом»? Очень оригинально!»

¹ Коктейль «Крёстный отец» — шотландский виски, ликер Амаретто, лед в кубиках.

Сан Саныч очень умело и с чувством прочитал стихи, чем опять меня изрядно удивил: «Молодец! Не только Шекспира может на английском».

ГОЛОС ФЛЕЙТЫ

*Мелодия флейты всё нежней и выше,
В ней страсть, забвенье и печаль.
За тысячи ли на высокой крыше
Любимая смотрит тоскливо вдаль.*

ЛУННАЯ НОЧЬ

*В тюрьме не сыщешь роз и вина.
Лишь ночь одна благовоньем полна.
Колдунья луна глядит сквозь решётку
И узнику шлёт вдохновенье она.*

Потом он прочитал четверостишие на вьетнамском. Мы ничего не поняли, но громко хлопали. Потрясённый Ван с большим уважением поклонился Сан Санычу и долго жал ему руку. «Ну, всё, — подумал я, — теперь Сан Саныч у Вана в большом авторитете. Надо будет это учесть — вдруг пригодится для чего-нибудь».

Чьи стихи читала Бажена, я не понял, — может быть, и свои. Но они мне не понравились, тем более что «во хмелю» она читала их с дурным завыванием и театральным заламыванием рук:

*В ночь уходили сонные вагоны...
В такую темноту — не до погони.
Двух человек навек разъединял
Холодный и безрадостный вокзал.*

*Паук обиды ткал свои узоры,
Вплетая в них обрывки разговора...
...Так ЛЮБИШЬ, драгоценный?
Ну что ж, прими
Подарочный набор
МОЕЙ ЛЮБВИ...*

— Олег Петрович, ваша очередь.

Я поставил бокал на столик, встал и произнёс:

— Прочитаю стихи моего друга Иннокентия Сентябрьского, написанные в разные годы. Некоторые из них — это подражание Омару Хайяму, другие — лирические, выражают настроение автора. И начал...

*В том кувшине — отравы, а в этом — лекарство...
«Пей, — Хайям написал, — ибо третьего нам не дано...»
Но в обоих кувшинах игриво плескалось вино...
Жаль... что третьего нам не дано...*

Николай захопал в ладоши, потом взял стакан с ромом и с большим воодушевлением воскликнул:

— Браво!! За это надо выпить!!!

Все засмеялись и пригубили свои коктейли. Я тоже воодушевился, приложился к своему бокалу, в котором ещё оставался «Короткий медовый месяц»¹, и сказал:

— Учитывая, что тема вина пошла хорошо, перейдём к гуриям, а потом к любовной лирике.

*В стакане плещется рубин хмельной,
И гурия лицо моё целует...
Создатель мне прощенье дарует...
Когда в конце пути... поникну головой...*

Многие одобрительно захопали.

— И в завершение — любовная лирика на морскую тему, — провозгласил я и прочитал:

*В волнах исчезнет отраженье
Узоров пены и песка...
В мечтах не будет повторенья...
Но облик твой... но ты одна...
В стихах моих... застынут на века...*

¹ Коктейль «Короткий медовый месяц»: коньяк, лимонный сок, кофейный ликер и медовый сироп.

*И волны памяти омоют...
Забывшие любовью берега...*

И тут я поймал на себе (или почувал?) заинтересованные взгляды Ольги, Надежды и Бажены. Настроение у всех улучшалось с каждой минутой и с очередным коктейлем. Полагаю, что ажиотажу и успеху поэтического турнира сильно способствовали алкогольные напитки разной крепости. Потом я так и не мог припомнить, кто что пил и в каком количестве.

Под влиянием общего настроения даже Виктор расчувствовался и прочитал чьи-то строки:

*В чужом стакане крепче брага,
Грудь больше у чужой жены...
Когда до пропасти полшага,
Друзьям мы больше не нужны...
И понял я одну из истин —
Что грязь везде найдёт свинья...
Не хватит пуль — стрелять по крысам,
Что убегают с корабля...*

«Читает с чувством, — отметил я про себя, — есть личностное отношение к стихам. Как-то связано с биографией? Эмоционально выражена строка про крыс и пули».

Николай неуклюже вскочил со стула и заявил, что сейчас он прочитает «басню с матом», но Алла Петровна резко посоветовала мужу сесть и заткнуться. При этом она так дёрнула его за брюки, что Николай с шумом грохнулся на стул.

В завершение я прочитал шутивное стихотворение про скромность:

*Мы столкнулись с ней лишь вчера...
Косо глянули друг на друга...
И промолвил я... не шутя:
Проходи-ка ты мимо, «подруга»...*

«Смерть от скромности» — ты не моя...

Зря я это сделал. Не надо было на ночь про смерть вспоминать. Есть вещи и ситуации, о которых лучше не шутить. Чревато это... Хотя, может, пока и не для себя. Нет, я не суеверен, но иногда мысли материализуются совсем не так, как мы бы хотели. Тем более мысли о смерти. Первая трагедия произошла уже через несколько часов...

Глава 6. Вечер первого дня. НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АКСИОЛОГИИ

*Категорически недопустима
постановка наводящих вопросов...*

*Из методических рекомендаций
по подготовке скрытых опросов*

*В нас ложь и правда сжились тесно,
Сам черт порой не разберет,
Кто врет, что говорит он честно,
Кто честно говорит, что врет.
Марк Твен*

После окончания «встречи с поэзией» всеми присутствующими было принято решение о том, что коктейлей больше не надо и каждый теперь будет употреблять то, что хочет. Поскольку бар был великолепным, то мы пили вино, ром с колой и без нее, текилу, мартини, коньяк и что-то ещё... И танцевали возле бассейна под медленную музыку. Бажена, пригласив меня танцевать, тесно прижималась худым телом и, что-то шепча про любовь к поэзии, смотрела широко раскрытыми глазами, кокетливо наклоняла голову, без нужды трогала свои волосы. Как-то сами собой вспомнились блоковские строки, которые я читал ещё в десятом классе:

*Милая девушка, что ты колдуешь
Чёрным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
Только — я здесь ни при чём...*

«Девушка глупая в платье зелёном, — мысленно стихами начал добавлять классика, — фокусы эти знакомы давно». Но потом сбился и стал сам у себя уточнять — насколько давно? Уже, наверное, больше сорока пяти лет. И, окончательно потеряв поэтический настрой, продолжил мысленно суровой прозой: «Ты ещё не родилась, а «дочери Евы» уже давно тренировали на мне свои ужимки. Дело, конечно, не в тебе... Дело во мне... и мне нравятся красивые и умные». Вот такой монолог звучал тогда в моей голове под влиянием выпитого. Но внешне я оставался вполне галантным кавалером, дабы не наживать ненужных врагов в лице обиженных женщин. Ибо разъярённая женщина хуже, чем разъярённая общственность.

Краем глаза я видел, как Сан Саныч танцует с Надеждой, а Виктор — с Ольгой, и подумал: «Пары начинают складываться?»

Попался на глаза Костик. И снова вспомнилось, что он не сказал, в каком университете учится... «Эту занозу надо вытащить из сознания».

— Костик, мы с тобой ещё не пили за знакомство.

Присели за свободный крайний столик. Подняв очередную рюмку коньяка, я вскоре легко выжал из Костики информацию, что он учится в Петербургском университете аэрокосмического приборостроения.

— Да разве там есть факультет рекламы и связей с общественностью? — удивился я. Костик заверил, что есть такой факультет. — А кто там декан, — продолжал я расспросы.

Костик смутился и сказал, что не помнит. Честно скажу, это меня удивило ещё больше. В принципе, студенты не обязаны знать руководство вуза даже по фамилиям, но обычно всё-таки помнят деканов своих факультетов.

— Костик, а ваш факультет точно на Большой Морской расположен? — уже вполне осознанно сформулировал я контрольный вопрос. Костик опять замялся, и я «поспешил ему на помощь», сыграв совсем пьяного (что, впрочем, было уже очень легко): — Хотя что это я спьяну путаю... у нас же все гуманитарии в корпусе на Суворовском учатся... — и доверительно, с широкой пьяной ухмылкой поведал: — Я ведь, Костик, в этом университете аспирантуру заканчивал. А на Большой Морской только документы оформлял.

Надо сказать, что была в моей биографии действительно и такая удивительная страница — заочная аспирантура по конституционному праву в университете аэрокосмического приборостроения. Господи, где я только не учился в своей жизни! Но к рассказу о событиях на острове это не относится.

Костик облегчённо подтвердил, что именно на Суворовском проспекте он и учится.

— Ну, давай выпьем за альма-матер.

Костик с видимой радостью на лице согласился, мы чокнулись и выпили. «А теперь, милый мальчик, — мысленно приказал я, — получи-ка в лоб ещё один контрольный вопрос».

— Слушай, Костик, кто сейчас вам основы аксиологии¹ преподаёт? — заплетающимся языком спросил я. Но тут Костик мастерски вывернулся:

— Не знаю. Нам это ещё не читали. Может быть, на следующем курсе начнут? Но сейчас ни думать, ни говорить про учёбу не хочу. Я, пожалуй, пойду потанцую. Рад был с вами ближе познакомиться.

Он поднял бокал, шуточно отсалютовал и, по-моему, несколько поспешно удалился. Не стал я смотреть Костику вслед — даже пьяные люди иногда хорошо чувствуют взгляд в спину.

Наклонив голову и вдохнув аромат коньяка, я отчётливо сформулировал свои мысли: «Здесь что-то не так. Да, студент может не знать фамилию декана. Но он не может забыть адрес, по которому расположен его учебный корпус. Допускаю мысль, что после моей аспирантуры в университете многое переменялось и даже мог появиться гуманитарный факультет на Суворовском проспекте. Но что стоило Костику поправить меня и внести уточнения? А если для проверки мной была бы названа Садовая улица? Но самое главное — аксиологию студентам рекламных факультетов не читают... Аксиология только для философов. Здесь что-то не так... Меня всегдастораживает ситуация, при которой образ не соответствует сути, когда за словами открывается ложь — маленькая или большая, умышленная или возникающая по недоразумению. Как говорил известный кинозлодей? «Маленькая ложь рождает большое недоверие». Впрочем, кинозлодей имел совершенно реальный прообраз. Или надо правильно говорить — «зловещий прототип»?

¹ Аксиология — теория ценностей, раздел философии, изучающий вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности.

Глава 7. Поздний вечер первого дня. КОВАРСТВО НЕЗНАКОМЫХ КОКТЕЙЛЕЙ

*Алкоголь не помогает найти ответы.
Он помогает забыть вопросы.*
Бернард Шоу

Издавек я смотрел, как Костик приглашает танцевать Ольгу, но она отрицательно качает головой. А вот Бажена, уже изрядно пьяная, пошла с ним на «танцплощадку»... Позднее стало понятно, что это был её «жест»... или сигнал в сторону Виктора, который никак не желал поддаваться чарам Бажены. В наше время все любят посылать сигналы — от политиков до девушек с низкой социальной ответственностью. Впрочем, разница между ними не очень большая.

Глядя на танцующих, я продолжал размышлять: «Из трёх вопросов Костик ни на один не смог ответить. Это надо будет обдумать, но только на трезвую голову». Я уже «поплыл», внимание стало рассеиваться, самоконтроль был заметно утрачен, а восприятие — фрагментарное...

Мы ещё выпили по коньячку с Николаем и Аллой. Видно было, что крепко пьяной Алле Петровне не хватает мужского внимания, что её раздражают женщины — явная зависть к тем, кто был моложе и красивей, чувствовалась в каждом её слове.

Отметил про себя, что Сан Саныч и Виктор, как настоящие джентльмены, почти в равной мере уделяют внимание Надежде, Ольге, Инне и Бажене. Но всё же Надежде и Ольге его доставалось больше. По-моему, это было нормально — они здесь самые красивые. «Каждому орлу по красивой женщине... счастья всем... даром... ибо «все включено» и пусть никто не уйдет обиженным», — сформулировал я свое пожелание, ощущая сильное воздействие всего выпитого за вечер.

Виктор привлекал к себе повышенное внимание почти всех женщин, однако был весьма сдержан. Он танцевал, но, как мне показалось, не очень охотно. Зато Сан Саныч был в большем ударе. Он ухаживал за всеми женщинами, кроме Аллы Петровны, со всеми танцевал, рассказывал анекдоты и рассыпал комплименты, читал стихи Шекспира на английском и русском...

Где-то — в отдалении от центра сознания — у меня возникли мысли: «Это у него природное чувство, опыт общения или использование засекреченной методики? Аккуратный зондаж границ дозволенного в конкретной компании и в общении с каждым человеком? Попытка помочь в преодолении страха при контакте с незнакомыми людьми? Вызвать симпатию и доверие?» Сосредоточиться на этих вопросах я уже не мог.

Инна вообще не употребляла алкогольные напитки, даже слабые коктейли, но зато всем надоедала разговорами о здоровом образе жизни и о том, как она любит своего мужа. С глубокой юности мне не нравятся женщины, трещащие о своей любви к мужу. В то же время Инне явно хотелось, чтобы присутствующие мужчины обращали на неё внимание. Надежда очень тонко язвила и смеивалась над Инной. Знаете, это как из серии «Не понять — то ли похвала, то ли оскорбление». Умна, однако... цену умных. Как же посмотреть на нее поближе? А еще лучше — поговорить как следует... не торопясь... с чувством, с толком, с расстановкой. Нет, ну на какой хрен я так напился? В результате многого не увидел, а остальное забыл.

Костика никто не воспринимал всерьёз — и похоже, что он начинал злиться.

Ван вёл себя как гостеприимный хозяин — каждому он уделил должное внимание. По его незаметным знакам бармен прекрасно всех обслуживал и мгновенно подносил новые коктейли и прохладительные напитки.

Пожалуй, это были мои последние конструктивные мысли — «а дальше закружило-понесло». Как там пел Высоцкий? «Я разошёлся, но не ушёл». Если коротко, самокритично и одним словом — «нажрался». Позднее для самооправдания пришлось выдвинуть версию, что виной всему было изменение атмосферного давления над южным морем и усталость прошедшего дня.

Помню, что с большим воодушевлением гневно клеймил англичан, которые ртутью отравили Ивана Грозного и сына его Ивана, оклеветали Стеньку Разина, приписав ему то, чего никогда не было, — утопление в пьяном неистовстве персидской княжны¹. Им же в вину я поставил свержение с престола императора Павла I —

¹ В данном случае Олег ошибается, приписывая англичанам распространение нелепых слухов об утоплении Степаном Разиным персидской княжны. Фактически эту историю сочинил и опубликовал в своей книге голландец Ян Стрейс, случайно оказавшийся в Астрахани в 1760 году. Злая легенда начала жить своей жизнью и потом отразилась в сюжете песни «Из-за острова на стрежень». Но англичане всегда и везде с большим рвением распространяют любую ложь о Руси и России, хотя молчат о своих преступлениях, совершенных в «вечных интересах Англии». Примечание публикатора.

табакеркой в левой висок, а потом еще и немного шарфиком придушили. Но не сами, конечно... Англосаксы всегда действуют чужими руками... иногда — руками русских аристократов. Взять, к примеру, еще убийство Григория Распутина... Вспоминал мимоходом слова Маяковского о том, что «англичанка всегда гадит». Зачем-то спорил с Сан Санычем о том, в чём же переводе лучше стихи Роберта Бернса. И с большим чувством декламировал: «Мне нужна жена — лучше или хуже...» Видимо, эта песня стимулировала мои воспоминания о жёнах.

Сразу после этого Надежде и Ольге пришлось терпеливо выслушать мой рассказ о том, что один раз в двадцать лет я готовлю уникальное блюдо, но не всем жёнам удавалось его попробовать в этот временной период. Первой жене повезло — я приготовил его в медовый месяц.

— Ну, не успевали некоторые, так уж ничего не поделаешь, — вещал я заплетающим языком, — не повезло двум следующим.

После этих слов поймал на себе странные взгляды Ольги и Надежды, попытался сосредоточиться и расшифровать их, но, увы, не получилось. Ольга вроде бы смотрела с неприязнью и каким-то скрытым упреком... «Не понял... но не понравилось».

А Надежда с плохо скрываемой иронией уточнила:

— Может, твоим женам вообще не везло?

— Может быть, — самокритично признался я, потому что иронию чувствую даже в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Инне, с непонятной для самого целью, но на доверительной основе, я громким шёпотом сообщил, что Георг Вильгельм Фридрих Гегель в 1801 году читал свои лекции в Йенском и Берлинском университетах, а потом он женился и «в спокойствии брака» написал своё важнейшее произведение «Наука логики». К чему я это вещал? Убей, не помню! Может быть, воспоминания о жёнах и ненаписанные «Этюды о логике» сыграли со мной злые шутки?

Позднее — через пару дней — размышлял, что, может быть, моё не совсем адекватное поведение в тот вечер напугало Инну? И произошло то, что произошло...

Виктору и Бажене я доказывал, что Гитлер, по воспоминаниям современников, не любил и не понимал шутки, а известный монах заблуждался, утверждая, что Иисус никогда не смеялся¹. В общем, кто без греха — пусть бросит в меня камень. Перед уходом я провозгласил любимый тост своего друга: «Выпьем за то, что мы живы, здоровы и на свободе», а в ответ на шутки присутствовавших обосновывал его актуальность базовыми ценностями человеческой жизни. Как там у Блока? «И пьяницы с глазами кроликов In vino veritas кричат».

Полагая, что вечер вполне удался, я уже действительно собрался «уйти на покой», когда вспыхнул скандал между супругами Сидоровыми. Это они испортили конец вечера. Оба крепко напились, но если Николай был тих и благостен, то Алла Петровна раздражалась всё больше и больше. Полагаю, её злило, что мужики внимание уделяют молодым женщинам, а не ей. У стареющих женщин в голове иногда такое творится, что дьявол вздрагивает от испуга и неожиданности...

Всё завершилось безобразной выходкой — когда Николай шуточно сказал Надежде какой-то комплимент, Алла швырнула в него пустым бокалом, зло обматерила, тяжело поднялась со стула и пошатываясь ушла к себе в домик. Сан Саныч уговаривал Николая, что надо пойти и успокоить жену и что ему на сегодня уже хватит. Николай утверждал, что совершенно трезв и сейчас ещё будет танцевать, а потом — купаться. Но через некоторое время ушёл и Николай. Мы, конечно, не знали, что больше не увидим его живым...

А за час до рассвета над островом прошла короткая гроза — с мощными порывами ветра, россыпью ветвистых молний и проливным дождём. В готическом романе это предвещало бы трагедию со смертельным исходом.

Глава 8. На рассвете второго дня. ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

Одно колесо не покатит повозку.
Чанакья, известный индийский мудрец

На рассвете раздался дикий женский крик. Я решил, что это дурной алкогольный сон моей большой головы, натянув на голову простыню, перевернулся на правый бок и снова уснул... Послышался приглушенный дверью голос Сан Саныча:

¹ В романе Умберто Эко «Имя розы» хранитель монастырской библиотеки утверждал, что Иисус никогда не смеялся. Библиотекарь монастыря убивал тех, кто пытался добраться до утерянного трактата Аристотеля о комедии.

— Олег, вставай. Беда! Николай умер, — голос его был очень тревожным, и понятно было, что так не шутят. Натянув шорты и футболку, я босым вышел из домика.

— Что? Где? Когда? — отрывисто спросил я.

Сан Саныч показал рукой в сторону скалы, за которой скрывался второй бассейн. Через несколько секунд я подошёл туда. Возле бассейна были Ван, одна из горничных и еще кто-то из обслуживавшего персонала. Вид у них был растерянный. Подтягивались и наши отдыхающее, разбуженные криками и стуком дверей.

Возле торцевой стороны бассейна стоял деревянный шезлонг, рядом с ним — маленький низкий столик. На шезлонге лежала наполовину пустая пластиковая бутылка с колой. А на дне ярко освещённого бассейна — в его более мелкой части — лицом вниз лежало тело Николая Сидорова. На нем были только купальные плавки. И не было никаких сомнений в его смерти...

«Голый, — подумал я, — значит, после вечеринки где-то разделся... Где? Или у кого?»

Не раздеваясь, я прыгнул в бассейн и по дну подошёл к телу. «Да... мертв... никаких сомнений...» Видимых повреждений на голове и теле не было. И тут я заметил на дне еще какую-то бутылку.

— Ван, Сан Саныч, принимайте Николая, — скомандовал я, наклонился в воду и, схватив за левую руку, потянул к бортику бассейна мёртвое тело. Сан Саныч отреагировал быстро и подошёл, а Ван словно застыл.

— Ван, шевелись! — я так рывкнул, что женщины, толпившиеся у бассейна, вздрогнули. Ван очнулся и бросился помогать Сан Санычу.

Тело Николая вытащили и положили на спину возле шезлонга. Я достал со дна бассейна пустую бутылку из-под тайского рома «SangSom Superior», поставил её на борт бассейна, подтянулся на руках и вылез из воды. Подойдя к лежащему телу, понимая всю бессмысленность своих действий, потрогал сонную артерию, потом поднял правое веко и посмотрел зрачок.

— Он мёртв, — услышался голос Виктора. Оказывается, он неслышно подошёл и стоял рядом со мной. Разогнувшись, я увидел, что тут же по-прежнему стоят Ван и Сан Саныч. Метрах в пяти от них толпились наши женщины, две горничные, повара, бармен, официанты и ещё кто-то. Аллы Петровны и Костика среди них не было.

— Самвижу, — буркнул я угрюмо, стянул мокрую футболку и, бросив её на шезлонг, закрыл бутылку колы. Потом, посмотрев на Вана, жёстко спросил: — Холодильные или морозильные камеры на острове есть?

Бессмысленный вопрос я умышленно задал сурово. Понятно, что есть на тропическом острове холодильники. Но сейчас для полного счастья нам не хватало только истерик и расслабления присутствовавших.

— Есть, — ответил Ван, — но там продукты...

— Продукты переложить, освободить одну камеру. Тело поместить туда. Дай команду, пусть кто-нибудь принесёт большой пластиковый пакет и какие-нибудь носилки. Тело Николая в этом пакете положить в холодильник. Да шевелитесь вы все! — прикрикнул. — А то замерли, как беременные тараканы при внезапном освещении, — после этого посмотрел в сторону собравшихся на галерее. — Всё, граждане, расходитесь по своим домикам — ничего интересного больше не будет, — сказал достаточно грубо и зло, — и Алле Петровне скажите, что...

Не договорив, я махнул рукой на мертвое тело и присел на шезлонг. Голова болела, и ничего не хотелось делать и даже думать. Ван, видимо, окончательно обрёл способность действовать — он что-то сказал одному из официантов на вьетнамском, и тот быстро убежал. Через несколько минут на тело Николая вьетнамцы натянули большой чёрный пластиковый пакет для мусора, положили на медицинские носилки и унесли. Люди ещё толпились неподалеку от бассейна и не торопились расходиться, что-то обсуждая приглушёнными голосами.

Воспользовавшись суетой с трупом, я нагнул, прихватил двумя пальцами за ребристое горлышко бутылку колы и, прикрывая её мокрой футболкой, понёс к себе. Уже почти у самого поворота за скалу почувствовал взгляд на спине. Небрежно и как бы случайно обернувшись, увидел, что Сан Саныч внимательно смотрит на меня. И этот взгляд мне очень не понравился.

«Не удалось забрать бутылку незаметно...»

Глава 9. Утро второго дня. О ПОЛЬЗЕ БУМАЖНЫХ САЛФЕТОК И О НЕНУЖНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ

*Не может покоя в стоянке найти,
кто бросил товарищей в трудном пути.*

Саади

Мудрость и покой — понятия, заслуженные временем.

Петр Квятковский

Зайдя в домик, я сначала чуть-чуть «подлечил» голову парой добрых глотков «Хеннеси» из мини-бара. Потом сел за стол, включив лампу, прихватил бумажными салфетками дно и горлышко бутылки и внимательно осмотрел ее. Когда поворачивал сосуд, увидел, что на салфетке выступило коричневатое пятнышко. Заменяя её, вновь покрутил бутылку — и снова на бумаге появилось влажное пятнышко возле горлышка. И тогда я внимательно осмотрел горлышко бутылки, уже примерно понимая, что я хочу увидеть... Так и есть — возле горлышка был маленький прокол. Эх, «не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз». Вот ведь какая разная польза может быть от простых бумажных салфеток...

Хмыкнув, я поставил бутылку в нижний ящик письменного стола и пошёл в ванную комнату. Долго стоял в душевой кабине под холодными и горячими струями воды, попеременно меняя температуру, но не принял никакого решения. Поэтому размышления продолжались и после того, как, закутавшись в роскошный махровый халат с вышитой золотом эмблемой отеля, я налил ещё полрюмки коньяка и сел в кресло, придвинув его к окну.

И размышлял я о печальном... Ну какого хрена мне надо было хапать эту бутылку, да ещё стараться незаметно утащить её в свой домик? Ведь вполне можно было обойтись без этого. Конечно, ещё и сейчас можно от бутылки избавиться — выбросить в мусорную корзину в домике или возле бара — никто её искать не будет. Да, Сан Саныч видел, как я её забирал. Ну и что? Если спросит, то скажу «на голубом глазу», что автоматически убрал мусор, находясь в состоянии сильного эмоционального волнения, после того как труп Николая достал из бассейна.

Можно бутылку выбросить в море — волны и ветер унесут её чёрт знает куда... Или на пляже песочку в неё насыпать по самое горлышко, размахнуться как следует да и бросить далеко в море... там, где из отеля никто ничего не увидит. И скоро занесёт бутылочку песком или донными отложениями, и никто никогда её не найдёт. А я спокойно буду отдыхать. Что может быть дороже покоя в моем «очень немолодом возрасте»?

Как там древние говорили? «Ничтожная причина может стать основой больших последствий». Или у них звучало по-другому? «Каждая причина производит более чем одно следствие». Голова с похмелья раскалывалась на неровные и острые части, которые, кажется, шевелились и задевали друг друга...

«Вспомни, — уговаривал я сам себя, — что ты хотел делать на этом острове? Неделя спокойного отдыха — купаться и понемногу пить для здоровья красное вино. Может быть, небольшой и необременительный флирт... Ничего не читать, ничего не писать — ни одной строчки, отключить телефон, не думать ни о чём... вести почти растительное существование. «Покой и воля»¹ при полном отсутствии любых забот... Не надо лезть туда, куда тебя никто не просит. Ни во что не надо вмешиваться, и пусть всё идёт своим чередом».

Но тот тихий внутренний голос, которым, наверное, иногда говорит совесть, резонно возражал: «А если ещё что-то произойдёт из-за твоего безделья и равнодушия? Может быть, здесь и нет злого умысла, но ситуация очень похожа на умышленные действия. Сами по себе маленькие отверстия в пластиковых бутылках не появляются — тут нужна рука человека, действующая очень аккуратно... и ещё нужен шприц».

А может, всё-таки как-то объяснить Сан Санычу случай с утащенной бутылкой? Мол, бросил футболку случайно на бутылку, а потом по ошибке забрал и футболку, и бутылку... «Ага, — правильно подумает Сан Саныч, — ну совершенно случайно, не отдавая себе отчёта, взял Олег Петрович свою футболку вместе с чужой бутылкой... И при этом очень аккуратно взял за ребристую пробку, где не могут сохраниться отпечатки пальцев».

Нет, это глупое объяснение никак не списать на моё сильное душевное волнение.

¹ А.С. Пушкин, «На свете счастья нет, а есть покой и воля».

Может быть, свалить грех на тяжелое похмелье? Чёрт, как нас подводят иногда необдуманые поступки... и последствия от них бывают хуже, чем от проговорок. Да, и на старухе бывает прореха! Надо поспать часик-другой. Выпив таблетку парацетамола, привезенного еще из России, я прилег. Засыпалось плохо, но все же сон одолел тревогу. Потому что эта первая тревога была еще очень слабой...

Глава 10. Утро второго дня. МИРОЛЮБИВЫЕ БЕСЕДЫ НАД ОБРЫВОМ

Верят не тем, кто не врет, а тем, кто врет уверенно.

Хаун Трунн

*За внешней оболочкой и тусклой внешностью
у меня скрывается благородная душа и пылкое сердце...*

Из письма пенсионера на сайт знакомств

Проснувшись через два часа, я снова принял контрастный душ, побрился, сел за стол и достал бутылку из-под колы. Потом включил в телефоне фонарик и под ярким освещением еще раз внимательно ее осмотрел. Затем поднес бутылку к настольной лампе и сфотографировал телефоном место прокола.

«Однако к чему всё это? — мысленно хмыкнул я и одновременно стал думать, куда бы понадежнее спрятать эту бутылочку. Вдруг да пригодится... — У меня раздвоение сознания или борьба мотивов? Да кто ж ответит мне на этот вопрос, если он вслух не задан. Надо принять еще парацетамол, а потом тащиться на завтрак и «на сбор дополнительных сведений».

Еще с вечера у меня была мысль сфотографировать восход солнца над морем. Но после обнаружения трупа Сидорова это намерение просто забылось. Раздумья над случившимся с Николаем ни к чему не привели. Да и не могли привести в условиях дефицита информации. Что я знаю об окружающих? Практически ничего, кроме имен, а у обслуживающего персонала даже имена не смог запомнить.

Выйдя из домика, я сначала пошел в кабинет Вана. Офисное помещение было пристроено к ресторану.

— Ван, ты извини меня за утреннюю ругань...

— Да нет... все нормально... Тут еще беда — вышка связи ночью была повреждена — ветер был очень сильным.

«Типичный ответ русского, — подумал я, — «да нет»...» На слова о повреждении вышки я просто не обратил внимания.

— Расскажи, что знаешь про Николая.

Со слов отельной obsługi он сообщил мне, что один из официантов ночью видел Сидорова, сидящего в шезлонге. Рядом на столике стояли бутылки... Очень ранним утром одна из горничных пошла к ресторану и увидела тело в бассейне.

Очень немного новой информации — подвел я неутешительный итог.

— Ладно, спасибо, Ван. Пойду, погуляю по окрестностям, на пейзажи полюбуюсь, — сказал я и вышел из кабинета управляющего. Заглянув в бар, постояя, покачиваясь с пятки на носки, возле стеклянного шкафа с прохладительными напитками, достал бутылку местной колы, покрутил ее в руках и выпил половину содержимого.

Я смотрел на море, на облака и на полет неизвестных мне птиц. Одинокие птицы над безмолвным морем... А мы кто? Бескрылые птицы на грешной земле?

Подошел Сан Саныч. Тут, на краю скалы, и состоялся наш серьезный разговор.

— Неожиданное рядом, — нейтральным тоном сказал Сан Саныч.

— Ты про Николая? — уточнил я.

— Да... и про него... и про тебя. Интересный ты человек. Я еще на реке стал к тебе присматриваться. А когда ты рассказал, под каким литературным псевдонимом публикуешься, стало мне еще интереснее — *persona scriptum*, «человек пишущий». Как говорил товарищ Сталин — «инженер человеческих душ»! Решил посмотреть, что же ты написал да каким был твой литературный путь. Вечером после возвращения в Паттайю скачал в интернете твои сборники, просмотрел наскоро исторические рассказы и философскую прозу.

— И решил, что я липовый философ и пишу о том, чего не знаю?

— Решил, что ты юрист. Так ведь?

— Я этого никогда не скрывал — преподавал студентам юриспруденцию лет двадцать... Ну посмотрел ты мои рассказы — и что? В чем «чисто конкретно» мне тебя подозревать?

— О! К слову — а ты меня в чем-то подозреваешь? Может, думаешь, что я шпион?

— А чем плоха такая версия? Если верить тому, что ты сам о себе сказал... Здесь живёшь много лет — укоренился. Самые широкие контакты — такие как в туристическом бизнесе — для шпиёна что можно лучше придумать? Общение без ограничения с любой категорией — местное население, российские и зарубежные туристы, рекламщики, журналисты, отельеры, перевозчики... Крыша лучше, чем у журналиста или обычного бизнесмена. И хрен кто тебя, шпиёна, отследит в джунглях Лаоса, горах Камбоджи или островах Новой Зеландии. Два или три раза в год летаешь в Москву — сам говорил — для подробного отчета и под обоснованным предлогом поиска новых заказчиков в России. Если ты, конечно, русский шпиён...

— Да уж, в твоём изложении версия звучит очень красиво. Только сам ты в нее не веришь.

— Тут не в том дело... верю — не верю. Как говорил товарищ Сталин: «Возможно ли это? Конечно, возможно, если не исключено». Побочный продукт моего жизненного опыта — неготовность верить людям без достаточных оснований. Так часто приходилось снимать розовые очки, что они сломались и были выброшены в мусорный бак.

— Слушай, а правда, что у тебя никогда не было серьезных травм? — Сан Саныч явно решил сменить тему. — Помнишь, ты про это упоминал, когда мы купались в радоновых источниках.

— Правда. А ты, Сан Саныч, так решил уйти от разговора о шпиёнах?

— Да нет... Ты не дурак, юристом, видать, был хорошим, раз без травм до шестидесяти лет прожил... Объединять нам надо мозги и силы, а иначе в этой неясной ситуации можем своими телами пополнить холодильники отеля или пойти на корм морским обитателям прибрежных вод, — задумчиво сказал Сан Саныч.

«Опаньки! — мысленно вздрогнул я. — Какой поворот сюжета!» И это — честно сказать — напрягло меня. А чего же он боится?..

— Принципиальных возражений нет, — в тон ему ответил я, — но откуда такой пессимизм? И почему ты ждешь новой смерти? И если про себя я точно знаю, что не убивец и не шпиён, то про тебя-то вообще ничего не ведаю. Хотя верю, что есть у тебя маленькая туристическая фирма... Давай, Сан Саныч, колись, как сухое полено.

— Придется довериться друг другу. Начну с себя. Не шпион я, не шпион, хотя ты угадал, что мой «маленький туристический бизнес» — это только прикрытие. Основная работа — региональные исследования экспортного потенциала и анализ конкурентной среды. Чего улыбаешься?

— Да вот попытался вспомнить разницу между бизнес-разведкой и анализом конкурентной среды на фоне промышленного шпионажа...

— Язва ты... не вспоминай и не задумывайся... вообще и не углубляйся в эти темы. Одно могу сказать — работаю на российские интересы, а это в мире нравится далеко не всем, а если уж быть совсем точным — всем не нравится. И некоторую... прирастающую из этого опасность не могу игнорировать. Опять ехидно улыбаешься?

— Ничего подобного — просто представил, что я должен поверить твоим словам и провозглашенному патриотизму. Но... но я всё еще помню из прочитанной художественной литературы про вербовку «под чужим флагом». Понимаешь, Сан Саныч, перед тем как я сам начал писать, за пятьдесят с лишним лет кучу разных книг прочитал, в том числе — детективы про шпионов.

— Ну, нечем мне тебе сейчас доказать свою работу в наших интересах. Была бы связь с миром — договорились бы о том, как тебя убедить информацией из России. Но вышку бурей повредило, и связи нет. Вот если бы она была, то, может быть, мне и союзники не нужны были бы, да и со смертью Николая уже сегодня бы прибывшая полиция разбиралась. Не справится мне одному — мозгов не хватает, а ты все же юрист по образованию.

«Да, — подумал я, — союзники или помощники мне тоже нужны, тем более знающие местные языки. Проверить его слова я действительно никак не могу. Работать он может на кого угодно, но что это для меня меняет в сей момент? Ничего! И придется довериться. Он, конечно, чего-то боится... Нет, не так, не боится, а опасается».

Однако вслух я произнес совершенно иное:

— Лесть — одно из сильнейших средств воздействия на человека...

— Иди ты к черту! Смерть Николая какая-то странная, и я не понимаю, что происходит. Нужен взгляд со стороны. Я случайно видел, как ты заботливо умыкнул бутылку с остатками колы после обнаружения тела Сидорова у бассейна. Что хотел найти — отпечатки пальцев? — я молчал. — О, черт! Только сейчас понял — ведь ты своим ехидством меня провоцируешь. Надеешься, что разозлюсь и о чем-нибудь проговорюсь?

— Ну, это вряд ли — если ты прошел спецподготовку, то я со своим дилетантизмом бессилён против аса, как плотник супротив столяра. Ладно, уговорил — заключаем

«пакт о сотрудничестве». Теперь давай о бутылке. После теплого тропического ливня никаких отпечатков на ней в принципе не могло остаться. На бутылке из-под рома, лежавшей в бассейне, — тем более. Да и были бы там отпечатки — толку-то нам от них... Как без лаборатории и специальных компьютерных программ отпечатки пальцев сравнивать? И самое главное — с чем сравнивать? Кто нам свои отпечатки добровольно предоставит? Никаких подозрений у меня нет — просто хотелось аккуратно колу из бутылочки понюхать... И саму бутылочку осмотреть хотелось.

— Ну и как? Понюхал? Осмотрел? И что в результате?

— Осмотрел... бутылка не из запасов отеля. Думаю, что привезена из Таиланда. Или взята на яхте. Я посмотрел недавно этикетки на нескольких бутылках кока-колы из местного бара — вот одна из них, — передав бутылку колы, взятую недавно в баре отеля, я продолжил: — Сам потом посмотри и сравни тексты на разных этикетках. Но главное не в этом — возле пробки у нашей бутылки есть маленький прокол на горлышке, еле заметил его и задумался... Зачем кому-то что-то понадобилось шприцем в колу добавлять? Идею ловишь?

— Ну вот не зря я искал себе «союзничка»... Думаешь, отравили Николая?

— Есть такая слабая версия. Подтверждать ее нечем — никаких исследований крови и внутренних органов мы здесь не организуем, а пока тело в цивилизованные места будет доставлено, может, все следы уже исчезнут. Да и с мотивом отравления нет ясности. Если оно совершено с целью убийства — то нужны мотив и цель, а также заинтересованное лицо... или лица. Есть, понимаешь ли, «классика жанра» в уголовном праве — четыре обязательных элемента любого преступления — объект, субъект, объективная и субъективная сторона. А еще есть дополнительные или факультативные элементы — мотив и цель, которые иногда очень помогают в установлении субъекта и раскрытии преступления.

— Слушай, а как ты вообще додумался до поисков прокола в бутылке?

— Понимаешь, советские люди были действительно самой читающей нацией в мире... Не я один в СССР мог читать детективные романы из английской жизни. А в одном из детективов рассказывалось о странных происшествиях с юными девушками из хороших аристократических семей. Во время их учебы в итальянском пансионате, под руководством некой графини...

— Но основные события того романа развиваются не в Италии, а вокруг одного из лондонских отелей?

— Ты тоже в глубине души остался советским человеком — начитанным, с хорошей памятью и склонностью к моментальным правильным выводам.

— Ладно, зубы мне комплиментами не заговаривай. У нас тут не отель «Бертрам»...

— Однажды мне показывали бутылку из-под «Советского шампанского» — пустую, но без повреждения пробки или стекла. А я тогда припомнил рассказ, как на одной зоне эки арбуз пробовали и быстро пьянели. Плюс рассказы о клофелинщиках... Знаешь такие фокусы? Выводы сам сделай.

— Арбуз через шприц водкой накачали?

— Спиртом медицинским...

— А шампанское из бутылки шприцом вытянули?..

— Пойдем завтракать...

Глава 11. День второй. ПОСЛЕДСТВИЯ НОЧНОЙ БУРИ

*Мудрый человек боится трёх вещей: бури на море,
ночи безлунной и гнева спокойного человека.*

Патрик Ротфусс, «Страхи Мудреца»

Каждый убийца, вероятно, чей-то хороший знакомый.

Агамата Крестми

Во время завтрака Ван всем сообщил новость, которую я уже знал от него и Сан Саньча, — ночная буря повредила вышку связи, и что-то там еще так неудачно упало, что и ветроэлектрогенератор зацепило. Остров остался без телефонной связи, интернета тоже не было. Ничего трагического — запасов продовольствия и воды хватило бы, как минимум, на месяц. Через шесть дней за нами придет яхта.

После завтрака вместе с Сан Саньчем я отправился на пляж — искупаться в море и «поразмывать». Чтобы нас никто не мог подслушивать, расположились так, чтобы при необходимости было видно лифт и пирс. Легли на полотенца лицом к морю и стали вспоминать разговоры с Николаем Сидоровым на яхте и острове, а также его ссоры с

Аллой Петровной в автобусе и на реке Квай. Вспоминали всё, что относилось к Сидоровым, прикинули — могла ли жена быть заинтересована в смерти мужа?

— Может быть, клофелин в коле? Если добавить его, то цвет неразличим будет и вкус в пьяном виде не сразу определишь. А потом уже поздно будет — быстрое снижение артериального давления и возможная смерть даже без утопления.

— Мотив меня смущает, все же убийство мужа — это не супружеская измена, серьезные основания нужны.

— Знал я в жизни нескольких мужеубийц... Один случай навсегда запомнил и даже рассказ про это написал.

— Ты про «Холодок под солнечным сплетением»?¹ Я его успел прочитать. Название привлекло...

— Что же касается мотивов, то можно подумать над стандартным набором — корысть, месть, ревность. Или над их комбинацией. Конечно, первый кандидат в подозреваемые Алла Петровна. Надоел пьющий муж, как говорила моя бабушка, «хуже горькой редьки», и вдруг возможность подвернулась на далеком острове. Кто тут будет разбираться — отчего пьяный турист умер или как он утонул в бассейне? Но было бы неправильным заикливаться на одной версии. Есть два типа воображения, используемого для выдвижения версий. Неважно, каких — научных или исследовательских, следственных или оперативных. Даже для ревности можно применять эти типы воображений. Один тип используется на информации, полученной из разных источников, может быть, даже и не заслуживающих доверия. А другой — тогда, когда информации нет вообще или она заканчивается на определенном уровне. Кто более дорог истории-матери?

— Что предлагаешь?

— Пока ничего. Давай понаблюдаем денек или два за вдовой, а потом и думать будем. Пока же пойду я и глотну чего-нибудь освежающего — похмельный синдром разыгрался не на шутку.

Я проходил мимо ресепшен-стойки и увидел включенный компьютер, видимо, продолжавший свою работу от блока питания. Идея созрела мгновенно, и, обогнув стойку, я посмотрел на экран, затем нашел меню и раздел «passport». Нужную фамилию я уже знал, поэтому быстро щелкнул мышкой, раскрыл файл и распечатал нужный текст. Бережно сложив бумажный лист, я сунул его в карман шорт и пошел в свой домик с твердым намерением выспаться до обеда, а если повезет — то и подольше...

После обеда с крутой винтовой лестницы свалился бармен и сломал себе шею.

Глава 12. День второй, до обеда. КАК НЕ НАДО ПАДАТЬ С ЛЕСТНИЦЫ

Все на свете можно исправить, кроме смерти.

Мигель де Сервантес

Мир дан человеку как загадка, которую следует разгадать.

Старая истина

По словам Вана, тело обнаружили горничные, которые шли на обед. Они тут же развернулись и бросились в кабинет управляющего. Бармен лежал у нижней ступеньки крутой винтовой лестницы, соединявшей две площадки на разных уровнях скал. С верхней площадки дорожка уходила к домикам, где жила отельная прислуга, располагались складские помещения и технические службы. Складывалось впечатление, что бармен подвернул ногу или поскользнулся на ступеньке и неудачно упал вниз. Очень неудачно упал — расставшись при этом с жизнью. Вслед за Ваном прибежала и вся остальная обслуга: официанты, повар и кухонные рабочие. И уж потом, услышав крики, к лестнице подошли Виктор, Надежда и Ольга, до этого купавшиеся в бассейне. После осмотра мертвого тела, ахов, охов и суетливых движений, его отнесли в тот же холодильник и положили рядом с трупом Николая Сидорова.

Всё это примерно через час в кабинете управляющего я узнал от Виктора и Вана. Слушая их, размышлял о том, что две смерти за один день — слишком много. Но никаких версий, кроме несчастного случая со смертельным исходом, у меня не было. Попытки запомнить имя бармена ни к чему не привели — я тут же забывал его.

Дождавшись, когда Виктор уйдет, я задал управляющему несколько вопросов.

— Ван, ты свой персонал хорошо знаешь?

¹ Рассказ «Холодок под солнечным сплетением» был опубликован еще в 2010 году. Заинтересованные лица могут прочитать его в интернете.

— Некоторых знаю достаточно хорошо, горничные и два официанта из той провинции, где я жил, — это мои очень-очень дальние родственники — старики попросили взять их на работу.

«Так, с этим всё ясно, — подумал я, — клановость на Востоке великое дело». Вьетнамцы наверняка лично преданы Вану, и вряд ли что-то можно узнать у них без его разрешения. Для них Ван — большой босс и благодетель. Да и не знаю я никаких языков, чтобы самому спрашивать.

— Бармена, поваров и кухонных рабочих, садовника (он у нас «мастер на всё» — и слесарь, и плотник) знаю плохо — только по работе, — продолжал Ван. — Это китайцы, и они были здесь до меня. Техник (он же кладовщик) вроде бы родом с Формозы или из Гонконга, портье и садовник — тайцы из Бангкока, приехали две недели назад, но они и раньше здесь работали — в прошлом сезоне. Мне об этом известно из документов, которые я смотрел при назначении на должность управляющего.

«Китайцы и тайцы, — думал я. — Группы? Не факт. Их может связывать только национальность. Что-то важное они могут Вану и не сообщить. Он для них, может быть, и «не фигура». Где родился техник — Формоза (она же Тайвань) или Гонконг — почему такая неясность? И в целом имеет ли это хоть какое-то значение?»

Ван еще что-то говорил, но я на несколько мгновений отвлекся и не слушал его. «Что я знаю о преступных группировках Юго-Восточной Азии? Ничего, кроме общеизвестных терминов — японская якудза¹, китайские триады², где-то слышал, что «китайская мафия» все продумывает и планирует на много лет вперед, что она «не живет только сегодняшним днем». О «вьетнамской мафии» читал когда-то в российских газетах, но это было двадцать лет назад. А ведь абсолютно в каждом государстве Юго-Восточной Азии есть свои этнические преступные организации, поэтому надо помнить про Малайзию, Филиппины, Тайвань и еще множество стран. Пожалуй, надо с Сан Санычем обговорить этот вопрос. Интересно, а из какой провинции Ван?»

— Ван, — сказал я, — ситуация неясная... Попробуй собрать максимум информации от своих подчиненных. Но только очень осторожно. Начни с земляков. Аккуратно и осторожно. Понял?

Ван закивал, подумал и сказал:

— Извините, можно вам вопрос задать?

— Валяй.

— Только, пожалуйста, вы не обижайтесь... Я ничего плохого не думаю. Я случайно видел, как вы возле ресепшен-стойки с компьютера копию паспорта распечатали. Потом посмотрел этот файл...

Вот это было для меня полной неожиданностью. Так-так-так... Ван знает, что я распечатал файл с паспортом Надежды Владимировой. Надо выкручиваться — если Ван меня в чем-то начнет подозревать, то помощи от него не дождешься. Что бы такое на скорую руку «слепить»?

— А, ты про это... Красивая женщина, согласен? — небрежно заметил я. Всегда надо вызвать согласие в результате первого вопроса.

— Да, — ответил Ван, но в его голосе чувствовалось напряжение.

— Вот я и решил собрать о ней немножко информации, прежде чем начать ухаживание. Человек я холостой, но возраст с Надеждой у нас разный... к моему великому сожалению... И если она замужем по паспорту — то ни к чему мне приключения «на старую задницу». Ван, не бери лишнего в голову, — доверительно сказал я, — нет в моих действиях ничего аморального или преступного. Только интерес к красивой женщине. Кстати, хорошо, что ты про это вспомнил, — потом сбрось мне на телефон сканы всех паспортов наших туристов — посмотрю на досуге.

Ван кивнул. Поверил ли он мне? Не знаю. В спешке я лопухнулся со страшной силой. Какие отметки о браке в зарубежном российском паспорте? Нет их там. Показалось, что Ван с недоверием отнесся к услышанному от меня. Ну и чёрт с ним! Есть проблемы поважнее. Не верилось мне в случайное падение бармена с крутой лестницы... Может ли быть смерть бармена как-то связана со смертью Николая?

«Надо пойти и самому посмотреть на лестницу, с которой так неудачно свалился бармен, — решил я, — а заодно и побродить в местах, где живет отельный персонал. Туда я еще не ходил».

¹ Якудза — участники традиционных японских преступных групп. Нередко их именуют гокудо или силовыми группировками. В современном мире якудза относятся к самым крупным организованным преступным организациям.

² Китайские триады — самая древняя, и при этом крупнейшая, группировка мирового этнического бизнеса. По мнению экспертов, самая организованная мафия в мире.

Глава 13. Вечер второго дня. ДЛИННЫЙ РАССКАЗ ПРО ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ

Черта ловят на жужалку, фраера — на зажигалку.

Поговорка

*Все подставляют... Огни — плечо, другие — подножку,
а третьи — только и знают, что подставляют...*

Наталя Розбу

Перед заходом солнца мы стояли с Сан Санычем на нижней террасе.

— Давай еще кое-что обговорим. После того как все поужинают и возле бара возьмутся за напитки, начну свои «воспоминания в большой компании». А ты сначала поддержи разговор, а потом внезапно прерви его — после того как скажу сигнальную для тебя фразу. Вдова не выглядит слишком уж печальной и наверняка присоединится к вечерним посиделкам...

— Не веришь в искренность ее горя?

— В каждой женщине живет актриса — и она может изобразить все что угодно... Если я правильно предвижу развитие ситуации, то нам вдвоем... а еще лучше, втроем, надо будет потом заглянуть в мой домик. Дверь домика оставлю открытой. Переговори с Виктором... У тебя вроде бы с ним хороший контакт?

После ужина быстро темнело, но фонари хорошо освещали всю площадку между рестораном, баром и бассейном. Мы сами передвинули столы полукругом возле бассейна и взялись за пиво и вино. Сан Саныч сел рядом с Надеждой и Аллой Петровной и, соболезнуя вдове, постоянно наливал ей «Little Creatures Pale Ale». Виктор сидел между Ольгой и Надеждой. Они разместились слева от меня, а Инна, Ван, Бажена и Костик — справа. Я специально занял место в центре, чтобы был максимальный обзор. Естественно, разговор зашел про смерть бармена, и почти каждый высказывал свое мнение — был ли это несчастный случай или кто-то помог бедняге удариться при падении с лестницы. Основной вопрос занимал мысли присутствовавших — как это можно выяснить?

Алла Петровна, Надежда, Ольга и Бажена считали, что смерть наступила в результате несчастного случая. Сан Саныч и Виктор допускали, что это может быть убийством, замаскированным под падение с лестницы. Костик промолчал — видимо, своего мнения у него не было. А вот Инна, без всякой видимой связи с ранее сказанным, вдруг заявила, что мы все здесь умрем, что всех нас убьют. На неё с удивлением посмотрели несколько человек. Инна не унималась, почти истерически повторяя:

— Вспомните «Десять негрятят» Агаты Кристи... одинокий остров... Вспомните... там все тоже сначала думали, что происходят несчастные случаи. А потом все умерли... всех убили...

— Но мы-то не совершали никаких преступлений, — спокойно заметила Надежда, — и нас тут никто не собирал, каждый сам приехал.

— Уж если говорить о повести Агаты Кристи, так только отрезанный от мира остров может напомнить этот сюжет, — уточнил я.

— Вот-вот, — нервно вскрикнула Инна, — остров, с которого никто не может выбраться, и никто не узнает, как мы умрем! Телефоны не работают, интернета нет... что муж делает, неизвестно, а я тут одна...

Наступило молчание. «Вот она... тягостная неизвестность, — мысленно ухмыльнулся я, — самое волнующее для Инны — что муж делает». Трагедия, однако! Но вслух комментировать слова Инны, конечно, не стал. Покрутив в руке почти полный бокал сухого вина, я начал заготовленную днем речь:

— Большинство людей, нарушивших закон, — я не имею ввиду профессиональных преступников — перед совершением преступления не продумывают его детали и способы сокрытия улик. Тем более, если преступление происходит внезапно, даже если раньше были мотивы к его совершению. Поэтому достаточно большое количество преступлений все же раскрывается по оставленным следам, чему подтверждением являются наполненные тюрьмы, а также исправительные лагеря.

Сан Саныч легко подыграл мне:

— Ты, Петрович, как-то иллюстрировал бы свои заявления. А то ведь не у всех из нас есть опыт совершения нераскрытых преступлений.

— Да и у меня нет опыта совершения преступлений — вообще никаких — ни раскрытых, ни тайных, — я широко улыбнулся. — Но все вы легко можете привести множество примеров из книг и кино. Ну, например, сто лет назад насильника определяли по группе крови, потому что любые выделения конкретного человеческого организма — кровь, слюна, пот, слезы и так далее — всегда одной группы, совпадающей

с группой крови. А сейчас — при современном развитии генетических исследований — вообще нет проблем. Нынче даже потожировые выделения на отпечатках пальцев дадут ответ на вопрос — кто их оставил. И заметьте — это можно сделать, даже если сами отпечатки не поддаются идентификации. А при контакте преступника с жертвой, например при драке, на одежде или теле каждого из них остаются микроследы. Например, частицы ткани или волокна шерсти, волосы или пыль с одежды.

Сан Саныч опять подхватил:

— Или частицы кожи под ногтями женщины, которая сопротивлялась убийце или насильнику...

Тут раздался голос возмущённой Надежды:

— Да хватит вам про изнасилования и убийства, слушать про это противно, — она передернула плечами. — Уж если завели свои дурацкие разговоры про преступность, так хоть какие-то другие примеры найдите.

Я промолчал, а Сан Саныч резонно ей возразил:

— Про изнасилования, конечно, можно и не заводить речь. У нас тут, слава Богу, никто никого не насилует, и некоторые добровольно на всё согласны. Это я про себя, — он сделал это уточнение с самой обаятельной улыбкой. — Но как-то мне не очень верится, что обошлось без убийств на этом проклятом острове. Вы что, все верите в несчастные случаи, которые вдруг повалились на наши головы? Я не верю и очень не хочу стать очередной жертвой такого «несчастливого случая». Тут я с Инной согласен про «Десять негрятя» — там будущие жертвы действительно думали сначала, что несчастные случаи происходят...

Помощь «напарника» была вполне своевременной и уместной, и я продолжил, сделав ему успокаивающий жест:

— Сан Саныч, не кипятись. Женщин можно понять — им тоже не по себе после двух смертей за одни сутки... при невозможности убраться с этого поганого острова. Понятно, что по домикам сидеть в одиночку с вечера до утра тоже нет особой радости. Может быть, и хорошо, что мы все здесь на виду друг у друга и спокойно разговариваем. Но мне хотелось бы рассказать про отпечатки пальцев, как пример, подлинную историю из далеких восьмидесятых годов прошлого века. У моей первой жены была тетя, а муж тети руководил городскими производственными мастерскими Всесоюзного общества слепых. Были такие общественные организации в Советском Союзе — предоставляли работу инвалидам. Но это я так, к слову. Пример про другое, конечно. Директор этот — муж тети моей жены — мне родственником не был, но добрые отношения мы всё же поддерживали. И вот однажды пришел он ко мне посоветоваться — что делать? Завелся у них в организации мелкий вор — таскал у женщин из сумочек деньги во время обеденного перерыва. Не много — по три или пять рублей, и не часто — как удавалось. Наверное, сейчас можно приравнять это к сумме в три или пять тысяч рублей. Впрочем, не в конкретных суммах дело.

Я сделал глоток вина, посмотрел на присутствующих и продолжил:

— Нравы в тех мастерских были простые — двери кабинетов и производственных помещений не закрывались, женщины сумочки оставляли на рабочих местах — одним словом, бери не хочу. Естественно, крал ворюга, когда никто его не видел. Кроме того, учтите, что там большинство работников было либо совсем слепые, либо слабовидящие. И если даже кто-то проходил по коридору и видел подозреваемого, выходящего из чужого кабинета, то свидетелем об этом не мог. «Что делать?» — спрашивал мой полу-родственник, он же директор мастерских. Я уточнил — заявлял ли он о кражах в милицию. «Нет, — ответил директор, — просто переговорил с начальником милиции перед каким-то совещанием в городском комитете КПСС, а тот объяснил, что кража трех или пяти рублей не образует состава преступления». Понятно, что соврал ему начальник милиции — не хотелось ему статистику портить несколькими нераскрытыми кражами. С одной стороны — какие доказательства найдешь, если полгода назад в рабочем кабинете из дамской сумочки три рубля исчезло? С другой стороны — если преступления не раскрывать, так они сами не раскроются. Как известно, забор сам себя красить не будет. В общем, я предложил директору организовать общее собрание трудового коллектива, пригласить участкового инспектора рассказать о кражах и о возможности дактилоскопической экспертизы — как о способе обнаружения преступника по отпечаткам пальцев, которые он оставил на месте совершения преступления. Дело в том, что тогда были в моде женские кожаные сумочки, покрытые лаком. А на таком покрытии отпечатки пальцев отражаются так же хорошо, как на бумаге, стекле или пластиковых бутылках.

— А, я понял, — почти весело заявил Сан Саныч, — так вот для чего ты утром уволок бутылку из-под колы от тела Николая и держишь её в своем холодильнике. Хочешь потом в полицию отдать её для выявления отпечатков?

— Ну, не только для обнаружения отпечатков, — сказал я неторопливо, — там

ведь в остатках колы может еще что-то содержаться. Вдруг его кто-то отравил — пусть полиция все проверит. Если бы на острове случилась только одна смерть, то, может быть, и не надо таких подозрений...

Никто не заметил несуразности и отсутствия логики в моих словах — то, что смерть Николая была первой, и никто, в том числе и я, когда утащил бутылку, о случившейся днем гибели бармена еще и думать не мог. Однако ключевая фраза уже была произнесена, и Сан Саныч торопливо перебил меня словами:

— Подожди, не рассказывай дальше, я в бар за пивом схожу. Кому пива?

Алла Петровна поддержала его:

— Да, Олег, не рассказывай без меня — я к себе в домик схожу, шаль возьму, что-то прохладно стало. Сан Саныч, принеси мне темного...

Они ушли по крытой галерее к своим домикам...

Сан Саныч вернулся, как мне показалось, через две или три минуты, но без пива. Он незаметно кивнул мне.

— Так, девушки и ты, милый вьюноша, — вставая, сказал я, — поскучайте немного, мы надеемся на сюрприз. Ван, побереги женщин и не давай им скучать...

Глава 14. Вечер второго дня. РЕЗУЛЬТАТЫ «ПОДСТАВЫ»

*У подлости «ранимая» гуша
И томный взгляд безропотной газели...
И всем была бы маскировка хороша,
Кабы не знать, чьё мясо кошка съела!*

Римма Хафизова

*Казалось бы, ложь — дело простое и гоступное каждому,
а между тем ни разу мне не приходилось видеть лжеца,
который удачно соврал бы три раза кряду.*

Джонатан Свифт

Мы втроем — Сан Саныч, Виктор и я — устремились в мой домик. Я толкнул дверь и включил люстру под потолком — у открытого холодильника с бутылкой колы в руке стояла Алла Петровна, ослеплённая ярким светом. И вечер перестал быть томным...

— Бутылку ищете? — ехидно уточнил я. — После пивка колы захотелось?

Мы зашли и прикрыли за собой дверь. Алла Петровна быстро поборолла смущение и начала говорить, что она случайно зашла ко мне, ошиблась, мол, дверью, в расстроенных чувствах... домики одинаковые, выключатель не нашла, «пиво в голове плещется» и «все такое прочее».

— Дура ты, Алла Петровна, — крайне невежливо и сурово сказал Сан Саныч, — и трезвая ты дура, и пьяная... Не было твоих впечатков на этой бутылке, а теперь есть.

«Вай, какой маладэц, Сан Саныч! — я мысленно аплодировал ему. — Как он роль злого следователя красиво играет. Выбил дух у Аллы Петровны с одного замаха!»

— Как не было? — было видно, что Алла Петровна растерялась еще больше. Она уставилась на бутылку в своей руке.

— А вот так — смысл все впечатления ночью тропический ливень, — Сан Саныч был неумолим, — а теперь они снова есть. И еще я помню, как Николай надеялся тебя пережить. Помнишь тот разговор на реке Квай?

— Сволочи, — зло прошипела Алла Петровна, — гаденыши, провокаторы поганые, — руки ее нервно мяли пластиковую бутылку, потом она открутила пробку и вдруг рванулась на балкон с резвостью, неожиданной для ее оплывшей фигуры. Открыв дверь, она швырнула бутылку. Почти тут же послышался всплеск воды в бассейне, который был в нескольких метрах от моего домика.

— Хрен вам, а не мои впечатления... хрен вы что докажете, детективы доморощенные, мудаки...

Мы присели: я — на крутящийся стул возле письменного стола, Сан Саныч и Виктор — в кресла. И спокойно слушали извержение словесного вулкана. Третье кресло оставалось свободным. Алла Петровна по-прежнему стояла возле балконной двери. Я наблюдал и молча фиксировал ее вегетативные реакции — лицо покраснело, губы дергались, дыхание было учащенным. Сан Саныч и Виктор тоже не сводили глаз с Аллы Петровны. Когда она выдохлась, я предложил:

— Алла Петровна, закройте дверь на балкон — у бассейна вас сейчас слушает куча свидетелей. И уж они-то слова про то, что мы ничего не докажем, вряд ли забудут. Присядьте — вдруг разговор долгим будет...

– А если кто-то забудет, так напомним, – сказал Сан Саныч и включил свой телефон.

Она продолжала стоять, злобно глядя на нас.

– Алла Петровна, насколько я понял из ваших ранних рассказов, ни Оксфорда с Кембриджем, ни Сорбонны или Гарварда вы тоже не заканчивали. Откуда же такое пренебрежение к советскому образованию? Все мы доморощенные... Но нас ведь и дома хорошо учили. К примеру, я в 1981 году закончил лучший юридический вуз СССР – Свердловский юридический институт. Вы что, серьезно решили, что я вещественные доказательства буду в холодильнике держать, ожидая вашего визита в мой домик? Какая наивность! Огорчу я вас – бутылка, которую вы так поспешно бросили в бассейн, к смерти вашего мужа не имеет никакого отношения – я утром пил из нее и не умер. Обычная бутылка из местного бара. Подставил я вас, неутешная вдова... «Черта ловят на жужалку, фраера – на зажигалку». Если вам скрывать нечего – зачем пошли сюда? Зачем вам понадобилась бутылка колы в моем домике? Ведь никто из слушавших рассказы про кражи денег у слепых и отпечатки пальцев, кроме вас, не заторопился к моему холодильнику. В теории доказательств это называется «улики поведения».

– Кроме того, ваше поведение после смерти Николая уж никак не было похоже на безутешность вдовы, прожившей с любимым супругом больше сорока лет, – дождал подозреваемую Сан Саныч.

Алла Петровна отошла от балкона, рухнула в кресло и разрыдалась... Через полчаса мы почти всё знали о тяжёлой жизни супругов Сидоровых, и наши подозрения о насильственной смерти Николая лишь укрепились. Она действительно шприцом что-то вкачала в бутылку колы... Уверяла, что это было снотворное, чтобы Николай быстрее лег отдыхать и заснул. А он пошел купаться...

Аудиозапись с признанием Аллы Петровны Сан Саныч начал копировать на мой телефон, а Виктор, по моей просьбе, пошел проводить обессилевшую Аллу Петровну в её домик. Сан Саныч повернулся ко мне:

– Скажи, а что она, по твоему мнению, вкачала в бутылку и почему у тебя вообще такая мысль утром появилась?

– Припомни наши разговоры за столиком на реке Квай – Алла Петровна сообщила, что препараты на основе клонидина ей помогают от давления... Клонидин – это основное действующее вещество в клофелине... Дальше надо разжевывать?

– Вместе с алкоголем это «убойная доза»...

– Ну, это пока только мои домыслы, и вряд ли теперь мы найдем у Аллы хотя бы одну ампулу или таблетку клофелина. Тут нужны лабораторные исследования крови потерпевшего...

Окончание следует